

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„ЧУДЕСНЫЕ ВЫМЫСЛЫ“. О космическомъ сознаниі въ лирикѣ

Тютчева. Ц. 1 р. 50 к.

„РАДОСТЬ ЗЕМЛИ“. Исслѣдованіе лирики Фета. *(Печатается.)*

Д. ДАРСКИЙ.

МАЛЕНЬКІЯ ТРАГЕДІИ ПУШКИНА.

1915.

МОСКОВСКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТНЬ
ПРЕСНОВАДСКИЙ ПЕР., 6

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введеніе	3
Скупой рыцарь	24
Моцартъ и Сальери	36
Каменный гость	53
Пиръ во время чумы.	65

ВВЕДЕНІЕ.

На переломѣ жизни, въ зенитѣ возмужалыхъ лѣтъ, когда затихли все бурныя стремленія молодости, вступая въ ясность трудового полдня, Пушкинъ какъ-будто дѣлаетъ попытку, оглянувшись назадъ, дать очеркъ своего духовнаго развитія. Среди его посмертныхъ стихотвореній есть отрывокъ, всегда загадочно всехъ поражающій, въ которомъ можно видѣть начало задуманнаго повѣствованья. Въ символической формѣ, у Пушкина такъ непривычной, онъ говоритъ объ искушеніяхъ, которыя смущали юный умъ. Въ ту пору, когда такъ новы все впечатлѣнья бытія, поэтъ уводитъ насъ въ какую-то невѣдомую школу, гдѣ вырастаетъ рѣзвая семья дѣтей. Наставницей, надзоръ хранившей строго, была смиренная, одѣтая убого, но видомъ величавая жена. Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ бесѣдуетъ она съ безпечными дѣтьми. Ея чело покрыто строгимъ покрываломъ и очи у нея свѣтлыя, какъ небеса, но дитя-поэтъ, уже познавшій иныя смутныя влеченія, вникалъ въ ея бесѣды мало.

«Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святыни словеса.
Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.
И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.
Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада».

Въ таинственномъ сумракѣ роцѣ непослушному ребенку являются мраморныя видѣнья языческихъ божествъ, изваянные бѣлые кумиры.

«Все наводило сладкій нѣбей страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ» .

Но болѣе другихъ къ себѣ влекли волшебною красотою два творенья:

«То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ) ливъ молодой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный» .

Едва начавъ соблазнительную повѣсть, Пушкинъ тотчасъ умолкаетъ, и намъ остается неизвѣстной исторія его нравственныхъ блужданій и борьбы.

Позднѣе его «задумчивую младость» посѣтитъ какой-то новый демонъ, чтобы на многіе годы стать его «страннымъ спутникомъ».

«Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его извительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветой
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ аваль прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ...»

Въ черновыхъ наброскахъ сохранилось нѣсколько выразительныхъ стиховъ, которые были отброшены при окончательной отдѣлкѣ. Въ нихъ Пушкинъ объясняетъ то неизъяснимое очарованье, какимъ его околдовалъ «злбный геній». Передъ поэтомъ стояла еще не разъясненной волнующая загадка: огромный и чарующій міръ. Подобно Ленскому (другая половина души Пушкина) надъ ней онъ голову ломалъ и чудеса подозрѣвалъ. И вотъ рѣзкій, охлажденный умъ лукаваго ее брался разъяснить.

«Онъ общаать...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло».

Рѣчи искусителя нашли потаенный доступъ къ еще не-
омраченной душѣ поэта. Жизнелюбивый и наивный Пушкинъ,
какъ замороженный, внимаешь язвительному спору, постигая
тайную прелесть въ самомъ развѣччаніи всѣхъ прелестей.

«Непостижимое волненье
Меня въ лукавому влекло...

Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ» ...

Незримыя посѣщенія все болѣе приобрѣтали власть надъ
неустановившейся душою Пушкина.

«Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался *блѣдный кладъ*;
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ».

Наконецъ, умный духъ восторжествовалъ.

«Мнѣ было грустно, тяжело, больно...
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ».

Вплосѣдствіи Пушкинъ самъ разъяснилъ, что надо по-
нимать въ его «Демонѣ». Онъ—олицетворенное сомнѣніе.

«Въ лучшее время жизни—сердце, не охлажденное опытомъ,
доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-по-
малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ
сомнѣніе: чувство мучительное, но непродолжительное... Оно
исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки
души... Недаромъ великій Гете называетъ вѣчнаго врага че-
ловѣчества духомъ отрицающимъ»...

Отрывки изъ писемъ показываютъ, насколько глубоко
впиталось навѣянное отрицанье. Такъ въ одномъ изъ нихъ
Пушкинъ сообщаетъ, что онъ беретъ «уроки чистаго атеизма»: «система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ,
но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная».

Въ гораздо болѣе страшномъ образѣ высказываетъ Пуш-
кинъ свое міросозерцаніе въ другомъ письмѣ къ князю Вя-
земскому по поводу смерти его трехлѣтняго сына.

«Судьба не перестаетъ съ тобой проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо, что творить». Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадить ее на цѣпь? не ты, не я, никто».

Міродержавная сила въ облигѣ сорвавшейся съ цѣпи обезьяны — можетъ ли пойти дальше система аэеизма?

Главнѣйшимъ слѣдствіемъ разочарованія было охлажденіе сердца къ забавамъ свѣта, тягостная лѣнь, преждевременная старость души, та скука жизни, о которой Пушкинъ самъ писалъ, что «скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа». Подъ вліяніемъ одолѣвающаго чувства онъ создаетъ «Сцену изъ Фауста», въ которой скука изъ временнаго состоянія возводится въ міровую сущность.

«Мнѣ скучно, бѣсъ.

Что дѣлать, Фаустъ!

Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣль;
Кто вѣрить, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ,
И всекъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ».

Нетрудно догадаться, кто былъ второй — жестообразный, сладострастный демонъ. Это, напротивъ, всѣ хмельныя желанья минутной младости, которыя внушали такую легкокрылую философію. Игры Вакха и Киприды, сладкое бездѣлье, розы наслажденія, прелестницы, утомленье пылкой страстью и отдыхъ за чашкою — вотъ та рѣзвая мудрость, которая прельстила юнаго эпикурейца. Презрѣвъ Платоновы химеры, скучая правдоученьями угрюмыхъ мудрецовъ, апостоль Анакреона проповѣдуетъ иную святость. Какъ привидѣнне скоротечный вѣкъ человѣка, — такъ будь послушенъ мгновенью, питомецъ лѣни, лови разсѣянное счастье, въ нѣгѣ и винѣ топи вѣтрениую младость; а тамъ, когда приблизится блѣдная смерть, спокойно усни на груди смѣющейся любовницы.

Съ теченіемъ лѣтъ этотъ бѣдовый искунитель, не демонъ, а бѣсенокъ, уступилъ свое господство могущественнѣйшему властителю думъ. То былъ Дельфійскій идолъ — идеаль мощности, власти и человѣческой гордыни. Героизмъ, какъ его понимаетъ

западный міръ, какъ апофеозъ одинокой, самовластной личности, повелителя презрѣнной толпы и мятежника противъ Промысла царить надъ сердцемъ. Личныя преслѣдованія и невзгоды, которымъ подвергся въ ту пору Пушкинъ, поддерживали въ немъ протестующее, самолюбивое настроенье. Два великихъ современника влекутъ его къ себѣ «разочарованной красой». Одинъ — Великій Кумиръ, властитель осужденный, изгнанникъ вселенной — Наполеонъ. Жаднымъ взоромъ созерцаетъ поэтъ надменнаго героя. Кто онъ, этотъ мужъ земныхъ судебъ, который плѣнился самовластьемъ, презрѣлъ человѣчество и до упоенья утолилъ среди рабовъ жажду власти? Въ твердыхъ и торжественныхъ стихахъ изображаетъ Пушкинъ видѣнье западнаго властелина. Владыка Сѣвера безмолвно бодрствуетъ одинъ въ своемъ чертогѣ. Возвеличенный побѣдой, онъ самъ дивится совершенному дѣлу и провозноситъ рѣчь, въ которой прославляетъ поправшее свободу самодержавье.

«Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ, и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи...

Раздался бой полночи—

И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.
То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,

Сей хладный кровопійца,

Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.
Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,

Мученіемъ покоя

Въ моряхъ казеннаго по маню царей.
Нѣтъ! Чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунокъ, какъ молнія сверкаль:
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,

Владыкъ Полунощи

Владыка Запада грозный предстоялъ» .

Однако, несмотря на видимое поклоненіе, неразрѣшимое раздумье не покидаетъ поэта. Какъ понять героя? Кто онъ: чудный мужъ или хладный кровопійца, другъ ли небу или только тиранъ?

«Зачѣмъ ты посланъ былъ, и кто тебя послалъ?
Чего—добра или зла—ты чудный былъ свершитель,
Земли чудесный посѣтитель?»

Тревожное сомнѣнье, которому пока нѣтъ отвѣта. Въ дальнѣйшемъ оно изъ частнаго вопроса превратится въ центральную проблему многихъ лѣтъ. Въ чемъ признаки великаго человѣка? Какъ отличить достовѣрнаго героя отъ самозванца? Какъ изобличить обманщика? Сущность вопроса не въ отвлеченномъ интересѣ, но въ неотложной нравственной нуждѣ. При первомъ приступѣ Пушкинъ шатается умомъ, не можетъ установиться, переходя отъ восхищенья къ отрицанью самаго существованья великаго человѣка.

«Его теперешній конекъ—вѣчный миръ аббата Сентъ-Пьера—пишетъ брату Е. Н. Орлова.—Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ, и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильнымъ характеромъ и страстями, съ предприимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь нарушителями общественнаго спокойствія».

Но къ этому времени другой «пламенный Демонъ» его мучительно чаруетъ, какъ море могучій, глубокий и мрачный, какъ море, ничѣмъ неукротимый. Это поэтъ гордости—Байронъ. По собственному признанію, Пушкинъ отъ него съ ума сходилъ. Онъ весь былъ подъ обаяніемъ поэзіи мрачной, богатырекой, сильной, и самъ пробуетъ дать отраженіе излюбленнаго образа. Возникаетъ рядъ байроническихъ характеровъ—смѣшанье гордости и отрицанья. «Отступникъ свѣта» — Кавказскій плѣнникъ, «грозный ханъ», «повелитель горделивый» Бахчисарайскаго фонтана, «гордый человѣкъ»—Алеко. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увлеченіе слабѣетъ, Пушкинъ независимѣе смотритъ на своего героя, наступаетъ время внутренняго освобожденья.

«Байронъ бросилъ одну сторону и взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ поэтически онъ описалъ и создалъ единый характеръ (именно свой); все... отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному».

Эта замѣтка написана нѣсколькими годами позже, но недовѣріе къ байроническому лицу зарождается почти одно-

временно съ увлеченіемъ. Тогда же Пушкинъ опредѣляетъ новую задачу: разсѣять чары, совлечь плѣнительность, взглянуть самостоятельно и ясно.

*«Разоблачивъ плѣнительный кумиръ
Я вижу призракъ безобразный»:::*

вотъ затерянные въ черновикахъ стихи, которые вскрываютъ тайну новаго отношенія къ очаровавшему герою. Блуждавшій умъ выходитъ на прямую дорогу.

«Кавказскій плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я на силу сладилъ».

Въ какомъ смыслѣ сладилъ? Не только въ смыслѣ художественнаго воплощенія, но и нравственнаго преодоленія. Титаническій идеалъ оказывается превзойденнымъ. Иные духовные просвѣты открываются поэту. Исконная природа, свѣтлая и всеобъемлющая, стремится возобладать. Съ прояснѣвшею душою Пушкинъ творитъ судъ надъ своимъ кумиромъ.

«Отечественная нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ Кавказскаго плѣнника. Но признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца». Такъ отзывается Пушкинъ о своемъ героѣ. Но несмотря на сердечную близость къ нему поэта, его характеръ далекъ отъ идеализаціи. Напротивъ, сумрачному, съ омертвѣлою и себялюбивою душою плѣннику Пушкинъ противопоставилъ самоотверженную любовь черкешенки.

Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» точно такъ же грозный и дикій деспотъ смиряется предъ христіанскимъ идеаломъ чистоты и вѣры.

*«И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святую скромную скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство».*

Однако въ обѣихъ поэмахъ блѣдные намеки на то, что съ полной ясностью высказывается въ «Цыганахъ».

«Цыганы» вполне зрѣлое произведеніе, въ которомъ впервые развѣнчивается прежній идолъ. Противопоставляется

все тотъ же гордецъ, своевольный отщепенецъ общества и вольнолюбивая семья дикарей, святая своимъ естественнымъ, начертаннымъ въ сердцахъ закономъ. Алеко—одинъ изъ племени самовластныхъ индивидуалистовъ. Возненавидѣвъ неволю цивилизаціи съ ея господствомъ предразсудковъ, съ цѣпями рабства, какія общество накладываетъ на мысль и чувство человѣка, онъ возсталъ противъ всего, что казалось ему стѣснительнымъ. Въ Алеко есть жажда безбрежной, ничему неподвластной свободы. Среди людей онъ испыталъ толпы гоненье, его преслѣдуетъ законъ. Непокорный и отверженный, онъ бросился въ добровольное изгнанье, прочь отъ людей, въ природу. Въ просторѣ степи онъ присталъ къ бродячей стаѣ кочевниковъ.

«Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни».

Цыганы Пушкина вовсе не тотъ дѣйствительный народъ, живущій въ привольѣ Бессарабіи. Гораздо болѣе, они—романтическая греза о золотомъ вѣкѣ человѣчества, мечта Руссо о первобытной невинности,—пластическое воплощенье дикой воли.

«Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собаки и лай и завыванье,
Вольники говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ напихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣнь рабовъ однообразной».

Передъ нами не обыкновенный нищій таборъ, а идеальная, религіозно-анархическая община. При всей внѣшней нестройности она подчинена устойчивому внутреннему строю, при всей видимой незаконности въ ней есть единый неизблемый законъ. Однако тотъ законъ не есть какое-либо человѣческое измышленіе. Въ прелестной дѣтской пѣсенкѣ—наивный пересказъ галилейской мудрости—Пушкинъ даетъ невысказанный идеалъ беззаботной вольницы. Эта безпечность и радость Богомъ хранимой и Богу послушной птички. Подобно

Божьей птичкѣ эти бездомные бродяги безсловесно и безумно, но всецѣло, до послѣдняго вздоха чувствуютъ себя въ рукѣ Своего Отца. Они не нуждаются ни въ какомъ внѣшнемъ, всегда насильственномъ порядкѣ, потому что въ себѣ и въ каждомъ безсознательно они чтутъ Всепроникающую Волю. Въ нихъ нѣтъ сознанія себя, какъ личности самочинной и противостоящей Богу. Они не вѣрятъ, чтобы отъ человѣка могло исходить что-то самовольное, не предустановленное свыше. Каждымъ дыханіемъ, каждымъ движеніемъ сердца они только исполняютъ волю Пославшаго ихъ. Они живутъ какъ птицы, какъ полевья лиліи, повинуюсь послѣдовательности роста и цвѣтенія, инстинкту перелета, невольнымъ перемѣнамъ сердца. Отсюда въ нихъ глубочайшее довѣріе къ своей природѣ, къ ея естественнымъ побужденіямъ, ко всему внезапному и безпрекословному, что бы изъ нея ни вырвалось. Въ ихъ страшныхъ порывахъ есть вся невинность младенческаго народа, еще не вышедшаго изъ первоначальной гармоніи. Въ ихъ скудной и нестройной вольности есть послѣдняя свобода безответственнаго духа, предавагося не своей, но Отчей Волѣ. Въ такой податливости предъ высшимъ руководствомъ есть нѣчто женственное, поэтому зыбкую цыганскую сущность Пушкинъ воплотилъ главнымъ образомъ въ женскихъ типахъ. Маріула, Земфира даже до смерти вѣрны единственной заповѣди любить. Въ ихъ любви есть роковая непреложность законовъ природы и все непостоянство вѣчно волнующихся стихій. Передъ наитіемъ женскихъ влеченій человѣческая воля бессильна.

«Загляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озарить,
И вотъ, ужъ перешла въ другое
И то недолго посѣтить.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Прямолвѣ: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!»

Такъ говоритъ старый цыганъ, которому поэтъ предложилъ быть выразителемъ сверхличной правды своего народа и который самъ былъ страдальцемъ мгновенной прихоти ми-

лой Мариулы. И еще разъ онъ подтвердитъ нравственное оправданіе безгрѣшной страсти:

«Вольнѣ птицы младость.
Что въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь».

Вотъ къ этой общинѣ божьихъ дѣтей напрасно силится применить Алеко. Онъ не таковъ. Бѣжавъ отъ рабства городовъ, онъ однако занесъ въ нетронутую среду неистребимый грѣхъ культурнаго человѣка: индивидуалистическій принципъ. Въ противоположность родовымъ инстинктамъ бѣдныхъ сыновъ природы Алеко силенъ горделивымъ сознаниемъ «моихъ правъ». Его попытка пріобщиться къ смиренной вольности степныхъ скитальцевъ кончилась злодѣйствомъ, потому что онъ не выполнилъ въ себѣ необходимаго къ тому условія религіознаго перерожденія. Соборной сплоченности и единомыслію Алеко противопоставилъ свое уединенное самоутвержденіе. Проклявъ невольничество культуры, онъ самъ однако въ таборѣ цыганъ явился рабовладѣльцемъ-деспотомъ. Въ любви онъ заявляетъ себя собственникомъ и себялюбивымъ ревнивецомъ. Вдохновенъе дикой страсти онъ хочетъ замѣнить законностью и обязательствомъ. Онъ не мирится съ произвольною случайностью въ любви, но стихію пытается закрѣпить человѣчески установленнымъ единобрачіемъ. Въ еще неясныхъ очертаніяхъ впервые выступаетъ образъ непокорца, не Божьей птички, но супостата. Для робкихъ беззащитныхъ цыганъ онъ золъ и страшенъ.

Однако только ли чистымъ поборникомъ правъ является Алеко? Нѣтъ ли въ немъ другихъ импульсовъ, подпольныхъ, несознательныхъ? Завоеватель воли для себя, Алеко остается внутреннимъ рабомъ. Не признавая надъ собою невѣдомаго управленія, онъ подчиненъ ночному духу злыхъ страстей.

«Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ каемъ волненіемъ каябли
Въ его измѣченной груди!
Давно ль, надолго ль усмирѣли?
Они проснутся: погодя».

Въ сценѣ сна Алеко съ великолѣпной изобрѣтательностью Пушкинъ обнажаетъ темную глубину его души. Алеко спитъ,

но сонъ его мучителенъ и ужасенъ. Какой-то духъ тѣснить ему дыханье и съвозъ сонную хмару прорывается и хриплый стонъ и скрежетъ ярый.

Порабощенность страстямъ въ противоположность божески просвѣтленнымъ простецамъ — причина нравственнаго пораженія Алеко. Но въ заключительныхъ стихахъ Пушкинъ расширяетъ тему указаніемъ на всеобщую трагическую вину.

«И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ».

Предводитель общины, старый цыганъ произнесъ надъ Алеко свой обвинительный и всепрощающій приговоръ. Но въ эпизодѣ съ Овидіемъ выплываетъ туманный силуэтъ истиннаго властителя, которому принадлежитъ поклоненіе цыганъ. Это святой старецъ, вѣнчанный благодатью поэтъ.

«Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ нѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный».

Не гордый, злой и смѣлый человекъ владѣетъ сердцами кроткихъ бѣдняковъ, но такой же, какъ они, робкій и Богомъ осѣненный избранникъ. И есть истинное, въ культурномъ обществѣ неосуществимое поклоненіе герою въ той милосердной заботливости, съ какою эти непросвѣщенные дикари покоили безпомощнаго страдальца.

«Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика».

Почти одновременно съ окончаніемъ «Цыганъ» Пушкинъ работаетъ надъ созданіемъ «Бориса Годунова». Къ этому времени его душа, по его собственному признанію, «совсѣмъ развернулась», вполне сложилось и окрѣпло и его міросозерцаніе. Онъ пишетъ свою трагедію «въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта». Но тихая обитель была не только его жизненнымъ пристанищемъ, — духъ сердечной мирности

и богомольной отрѣшенности, водворился въ самой душѣ поэта. Нѣкоторымъ автобіографическимъ признаніемъ, иносчески-величавымъ, звучатъ его слова, оставленные въ черновикахъ пьесы. «Приближаюсь къ тому времени, когда не осталось земное быть для меня занимательнымъ». Въ образовавшемся умонастроеніи душѣ поэта особенно близко не высокоумное порожденіе языческой гордыни, но смиренномудрая христіанская праведность. Такъ возникаетъ образъ Пимена.

«Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе,—писалъ самъ Пушкинъ.—Въ немъ собралъ я черты, плѣвившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ».

Съ высоты созданія взираетъ поэтъ на волнуемое подъ нимъ житейское море-окіанъ. Оно все то же. Все тѣ же страсти вздымаютъ бурную поверхность. Царскій престолъ—вотъ та вершина, куда стремятся дохлестнуть кипучія волны. Годуновъ и его сынъ, Лжедмитрій и Марина, а дальше Шуйскій, Воротыньскій, а тамъ Басмановъ и всѣ другіе безыменные бояре и поляки—цѣлая стихія властолюбія, въ которой каждый спѣшитъ и силится стать первымъ, выше остальныхъ, господствовать и повелѣвать.

*«Мы все глядимъ въ Наполеоны,
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно».*

Даже Пимень... До самой старости, если онъ не сотворитъ молитвы къ ночи, то сонъ его не тихъ и не безгрѣшенъ. Все чудится ему:

*...«то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ».*

Съ проникновенной зоркостью разрабатываетъ Пушкинъ проблему самозванства. Кто эти всѣ незваные честолюбцы и недоноски исторіи, похитители престола и цареубійцы какъ ни притворщики и призраки, лживыя личины законнаго, отмѣченнаго высшимъ знакомъ и власть имѣющаго царя? Они не

призванные и занимаютъ не имъ принадлежащее мѣсто—въ этомъ вся ихъ казнь. Здѣсь все будущія темы Достоевскаго, его великія догадки и прорицанья. Хотя бы взяты къ примѣру сонъ Григорія.

«Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой *бъсовское мечтанье*
Тревожило, и врагъ меня мучилъ.
Мнѣ снилось, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и странно становилось—
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?»

Но вѣдь здѣсь поразительное конгеніальное прозрѣніе въ сумеречныя глубы самозванческой совѣсти. Эти сонныя обличенія грядущаго покушенія, какъ похожи они на кошмарныя пытки другого претендента на тронъ героя.

Раскольниковъ снова въ квартирѣ старушонки. Онъ вошелъ въ переднюю, дальше, въ гостиную. Въ углу за висящимъ салономъ онъ замѣтилъ, что кто-то прячется. Онъ отвелъ рукою салоны и увидѣлъ, на стулѣ вся скрючившись сидитъ старушонка. Тихонько высвободилъ онъ топоръ и ударилъ старуху по темени, разъ и другой. Но странно: она даже и не шевельнулась отъ ударовъ, точно деревянная. Онъ испугался, нагнулся и заглянулъ ей снизу въ лицо, заглянулъ и помертвѣлъ: «старушонка сидѣла и смѣялась,—такъ и заливалась тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, изъ всѣхъ силъ крѣпясь, чтобы онъ ея не услышалъ. Вдругъ ему показалось, что дверь изъ спальни чуть-чуть приотворилась, и что тамъ тоже какъ будто засмѣялись и шепчутся. Бѣшенство одолѣло его: изо всей силы началъ онъ бить старуху по головѣ, но съ каждымъ ударомъ топора смѣхъ и шопотъ изъ спальни раздавались все сильнѣе и слышнѣе, а старушонка такъ вся и колыхалась отъ хохота. Онъ бросился бѣжать, но вся прихожая уже полна людей, двери на лѣстницѣ отворены настежь, и на площадкѣ на лѣстницѣ и туда внизъ—все люди, голова съ головой, все смотрятъ,—но все притаились и ждутъ, молчатъ!»...

Стыдъ, самый безумный изъ всёхъ мыслимыхъ на землѣ, стыдъ неудачнаго посягательства, стыдъ смѣхотворнаго самовозвеличенья, стыдъ сорванной маски и оголенья подъ взорами всёхъ, подъ хохотъ презираемаго человѣчества—вотъ общій сюжетъ обоихъ прозорливцевъ.

А дальше Пушкинъ создаетъ «Полтаву», по его собственнымъ словамъ, самое зрѣлое изъ всёхъ стихотворныхъ повѣстей, въ которомъ все почти оригинально,—и снова передъ нами все то же мрачное, ненавистное, мучительное лицо. Но краски сгущены до крайности, и прежній обаятельный образъ приобретаетъ черты чернаго злодѣя.

«Какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣлость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всё эти ужасы,—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все».

Таковъ Мазепа для исторіи, какъ голый фактъ прошедшаго, такимъ видитъ теперь прозрѣвшій поэтъ своего давнишняго обольстителя, но не надменнаго старика и не злодѣя, но свою иллюзію, полюбила въ немъ Марія. Бѣсовскій оборотень, Мазепа околдовалъ Марію обманнымъ подобіемъ героя.

*«Своими чудными очами
Тебя старикъ заворочилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣтъ усыпиль;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ...»*

Для ослѣпленной дѣвы Мазепа пѣвецъ и воинъ, даже выше—природный царь, который по праву высшей одаренности воздвигнетъ тронъ. «Ты носишь власти знакъ», «ты такъ могущъ», «твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ корона царская»—вотъ радужный миражъ, застлавшій правду для Маріи, и, какъ Татьяна, она вѣритъ сердцемъ, что ея властитель посланъ Богомъ. Какое ужасное пробужденіе настанетъ для несчастной! Мазепа тоже самозванецъ, не мужъ судьбы, а интриганъ, измѣнникъ, злопамятный метитель—и только. Не великій замыселъ, не вѣра въ свое посланничество, но услов-

ность дворянской чести, но память о нанесенной обидѣ руководитъ его поступками. Въ этой чертѣ весь его характеръ скрытый, жестокій, постоянный. Для утоленья злобы онъ умерщвляетъ отца обольщенной дочери, коварный искуситель, онъ даже не задумался самое дочь поставить предъ выборомъ между супругомъ и отцемъ и, не воздвигши трона, построилъ эшафотъ.

Сквозь легкій сонъ Марія слышитъ, что кто-то къ ней вошелъ, съ улыбкой руки протянула и съ нѣгой томною шепнула: «Мазепа, ты?» Но передъ ней прокравшаяся мать.

«Отецъ... Мазепа... казнь—съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замѣть моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезь».

Утлый мозгъ не выдержалъ противорѣчія мечты и знанія. Но въ столкновеніи низкой истины и возвышающаго обмана безумная осталась вѣрной грезѣ. Онъ есть, онъ живъ ея герой и повелитель, ясный соколъ, сказочный Иванъ-Царевичъ, но только онъ скрывается гдѣ-то за морями, а здѣсь обманщикъ, дьявольское наважденіе, старикъ-убійца!

«Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.
И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала
И скрылась въ темнотѣ ночной».

Вѣщій бредъ ясновидящей, который насъ снова возвращаетъ къ Достоевскому. Ставрогинъ приходитъ ночью для важныхъ переговоровъ къ своей негласной женѣ, слабоумной хромоножкѣ. Онъ уже замыслилъ втайнѣ ея убійство, а незадолго передъ тѣмъ онъ солгалъ мелко, ничтожно, отрекшись передъ матерью, передъ барышнями отъ брака съ нею. Этого

противорѣчія собственнаго восторга передъ своимъ княземъ и его джи не въ силахъ совмѣстить слабый умъ полубезумной. Теперь, когда онъ къ ней вошелъ, ее охватилъ настоящій ужасъ: по лицу побѣжали судороги, она подняла, сотрясая ихъ, руки и вдругъ заплакала точь въ точь какъ испугавшійся ребенокъ; еще мгновение и она бы закричала. Но она пересилила себя, оправилась и рѣшилась говорить твердо и сознательно. Про себя она уже разрѣшила загадку: передъ нею не ея богъ, которому она поклонялась. Вотъ конецъ ихъ разговора. Ставрогинъ предлагаетъ ей жить съ нимъ въ Швейцаріи, въ горахъ, но та отказывается. «Даже и со мной?» — переспрашиваетъ Ставрогинъ.

«А вы что такое, чтобы я съ вами ѣхала? Сорокъ лѣтъ сряду съ нимъ на горѣ сиди—ишь подѣхалъ. Нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы соколъ филиномъ сталъ. Не таковъ мой князь!»—гордо и торжественно подняла она голову.

Его будто ослѣпило:

— Съ чего вы меня княземъ зовете и... за кого принимаете?—быстро спросилъ онъ.

— Какъ? Развѣ вы не князь?

— Никогда имъ и не былъ.

— Такъ вы сами, сами, такъ-таки прямо въ лицо признаетесь, что вы не князь!

— Говорю, никогда не былъ.

— Господи! всплеснула она руками,—всего отъ враговъ его ожидала, но такой дерзости—никогда! Живъ ли онъ? вскричала она въ изступленіи, надвигаясь на Николая Всеволодовича,—убилъ ты его или нѣтъ, признавайся!

— За кого ты меня принимаешь? вскочилъ онъ съ мѣста съ искаженнымъ лицомъ; но ее уже было трудно испугать, она торжествовала:

— А кто тебя знаетъ, кто ты таковъ и откуда ты выскочилъ! Только сердце мое, сердце чувало все пять лѣтъ всю интригу! А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слѣпая подѣхала?

Она хохотала ему въ лицо.

— Похожъ-то ты очень похожъ, можетъ и родственныйъ ему будешь. Только мой—ясный соколъ и князь, а ты—сытъ и кучишка. Мой-то и Богу, захочетъ, поклонится, а захочетъ и нѣтъ, а тебя Шатушка (милый онъ, родимый, голубчикъ мой), по щекамъ отхлесталъ. Не постыдился бы соколъ мой

меня никогда предъ свѣтской барышней! О, Господи! Да я уже тѣмъ только была счастлива, всѣ пять лѣтъ, что соколъ мой гдѣ-то тамъ за горами, живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ... Говори, самозванецъ, много-ли взялъ? За большія-ли деньги согласился.

— У идиотка! проскрежеталъ Николай Всеволодовичъ, крѣпко держа ее за руку.

— Прочь, самозванецъ! повелительно вскричала она,— я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

— Ножа!

— Да, ножа! У тебя ножъ въ карманѣ. Ты думалъ, я спала, а я видѣла: ты какъ вошелъ давеча, ножъ вынималъ!

— Что ты сказала, несчастная, какіе сны тебѣ снятся! возопилъ онъ и изо всей силы оттолкнулъ ее отъ себя. Онъ бросился бѣжать; но она тотчасъ же вскочила за нимъ, хромяя и прискакивая, въ догонку и уже съ крыльца успѣла ему еще прокричать, съ визгомъ и съ хохотомъ, во слѣдъ, въ темноту:

— Гришка От-репъ-евъ а-на-ее-ма!

«Евгеній Онѣгинъ» переноситъ искушеніе демона въ бытовую среду. Уѣздной барышнѣ, мечтательницѣ, самой загадочной, какъ сказка, вдругъ на яву является чудесное видѣніе ея сновъ, и въ тотъ же мигъ Татьяна предалась ему.

«Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердце я!
То въ высшемъ суждено совѣтъ...
То воля Неба: я твоя.
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Невримый, ты мнѣ быть ужъ миль,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!»

Евгеній для бѣдной Тани внезапное воплощеніе святой мечты, однако не всѣ колебанія въ ней стихли и пока еще неразрѣшимое недоумѣніе ее мучитъ.

Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?

Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совѣмъ иное...»

Какъ видимъ, это все тотъ же, давнишній вопросъ, волнующій и самого поэта: по какимъ признакамъ отличить истиннаго героя?

Зачѣмъ ты посланъ былъ и кто тебя послалъ?
Чего—добра или зла—ты чудный былъ свершитель,
Земли чудесной посѣтитель?»

До времени не подозрѣвая обмана, Татьяна попрежнему воображаетъ «моднаго тирана» неземнымъ существомъ, какимъ-то гнѣвнымъ херувимомъ.

«... передъ ней
Блестя взарами, Евгенийъ
Стоить подобно грозной тѣни»...

Но вотъ въ отвѣтъ на ея беззавѣтную мольбу, на которую *она можетъ* не отозваться посланникъ неба, она слышитъ учтивую и бездушную проповѣдь, въ которой съ ужасной наготой обнажилось нищее сердце Онѣгина, и хотя она едва дыша, безъ возраженій слушаетъ его, но въ глубинѣ, но въ безсознательности въ ней происходитъ непоправимый переломъ. Незрѣчій умъ еще не знаетъ, что пошатнулся горделивый идолъ, еще болѣе горитъ безотрадной страстью молодая дѣва, но темнымъ предчувствіемъ, но священнымъ бредомъ, безошибочно и безотчетно, подобно безумной хромоножкѣ, Татьяна наполовину уже разгадала мучительнаго сфинкса. Ей тоже снятся сны. Она прирожденная сновидица. Въ сновидѣнны ей впервые предсталъ чудный незнакомецъ, въ прозрѣнны бреда она разоблачила свой плѣнительный кумирь. Въ пророческомъ снѣ Татьяна видитъ былого ангела-хранителя предводителемъ бѣсовской банды, хозяиномъ чудовищъ-нечисти, и что еще страшнѣе,—убійцей брата.

«Споръ громче, громче: вдругъ Евгенийъ
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились, нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...»

«Какія сны тебѣ снятся, несчастная!»—могъ бы возопить вслѣдъ за Ставрогинымъ Онѣгинъ. Но ей снится правда и вправду убиваетъ Евгеній друга.

Въ этомъ есть какое-то роковое предопредѣленіе. Они всѣ убійцы: Алеко, Мазепа, Онѣгинъ, а дальше баронъ, Сальери, Германъ; какой-то хладный духъ смерти вѣетъ отъ нихъ, и сами они среди яркой, трепещущей жизни кажутся какими-то выходцами съ того свѣта, лживымъ порожденіемъ дурного сна. Онѣгинъ убиваетъ Ленскаго изъ пустяковъ, изъ свѣтскаго понятія о чести, изъ-за злорѣчія Зарѣцкаго. Всеотрицающій демонъ на словахъ, онъ испугался сплетенъ трагирнаго трибуна и цѣлитъ въ названнаго брата.

«Нылъ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовать гибель хладнокровно...

Какой-то страшной пустотой, нездѣшной мукой томится Мазепа,—неистребимое воспоминаье грызетъ въ тишинѣ сердце Онѣгина. Когда-то вѣнчанные герои въ глазахъ влюбленныхъ женщинъ, на самомъ дѣлѣ, они только преступные себялюбцы.

Татьяна яснѣе понимаетъ того, по комъ она вздыхать осуждена судьбою властной. Загадка разрѣшена и слово найдено.

«Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?»

«Евгеній Онѣгинъ» былъ оконченъ въ пору совершенной зрѣлости Пушкина. Это были моментъ, когда жизнь его достигла высшей точки дня. Онъ уже прошелъ черезъ періодъ былого титанизма и нравственныхъ исканій и теперь стоялъ на поворотѣ. Послѣ бурной молодости поэтъ готовился вступить въ новую жизнь, нашедшую равновѣсіе, успокоенную,

мудрую. Новый идеаль смиренія, затишья, простоты смѣнили прошлыя увлеченія всёмъ грандіознымъ, бунтующимъ, необычайнымъ. Обращаясь къ прошедшему, Пушкинъ самъ составляетъ двѣ различныхъ жизненныхъ полосы.

«Какія бь чувства ни таились
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли, иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груди скалъ,
И гордой дѣвы идеаль,
И безыменные страданья..
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моея весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтической божалъ
Воды я много подмѣшалъ.
Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный востогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака,
Мой идеаль теперь—хозяйка
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой» .

Смиранный, будничныи пейзажъ, идеаль семейственности, тихіе, незамѣтные, будничные люди. Теперь привлекаютъ непосредственность, несложныя натуры, простосердечіе и доброта. Въмѣсто восхищенія героическимъ Байрономъ, Наполеономъ любовная внимательность къ станціонному смотрителю, капитаншѣ Мироновой, къ Бѣлкину. Исполняется давнишнее намѣреніе изображать не муки тайныя злодѣйства, но просто пересказать

«Преданья русскаго семейства,
Люби илѣнительные сны
Да нравы нашей старинь» .

Духовному преобразованію соотвѣтствовала видимая перемѣна. Пушкинъ рѣшилъ остепениться, начать семейную жизнь. Чтобы принадлежать своей женѣ всецѣло, онъ хочетъ покончить со всеѣми воспоминаніями безумныхъ лѣтъ. Такъ онъ пишетъ до боли грустное «Разставаніе», въ которомъ посылаетъ прощанье сердца дальней подругѣ, теперь одѣтой для него могильнымъ сумракомъ. Но прежде чѣмъ принять въ душу «свою Мадонну», надо было изгнать оттуда бунтующихъ въ ней бѣсовъ. Наступила послѣдняя борьба Бога и дьявола въ душѣ человѣка, та самая страшная битва, въ которой демоны напрягли всю власть и обаянье. Разговаривая однажды о философскомъ значеніи библейскаго и байроновскаго духа тьмы, искусителя, Пушкинъ на замѣчаніе Александра Тургенева возразилъ живо и серьезно: «суть въ нашей душѣ, въ нашей совѣсти и въ обаяніи зла. Это обаяніе было бы необъяснимо, если бы зло не было одарено прекрасной и пріятной внѣшностью. Я вѣрю Библии во всемъ, что касается Сатаны: въ стихахъ о Падшемъ Духѣ, прекрасномъ и коварномъ, заключается великая философская истина». Пушкинъ говорилъ о пережитомъ на опытѣ. Разъ за разомъ онъ наноситъ демонамъ нравственное пораженіе, срывая оболѣстительныя маски и обнажая внутреннее уродство, но каждый разъ они вставали еще привлекательнѣе, еще неотразимѣе. Поэтъ вызываетъ наиболѣе соблазнительныхъ бѣсовъ, чтобы тѣмъ окончательнѣе съ ними справиться. Одинъ за другимъ онъ перебираетъ семь смертныхъ грѣховъ, воздвигая на каждомъ ослѣпительные ужасною прелестью образы. Вѣдь надо же согласиться, что въ томъ, какъ представлены у Пушкина тѣ или другіе пороки, нѣтъ ничего отвратительнаго, напротивъ, они вознесены на трагическую высоту и обладаютъ для насъ всею прелестью прекраснаго Духа Тьмы. Они даже праведники, эти дѣти сатаны,—у нихъ есть твердая, хотя своя особенная добродѣтель, и требовалась чрезвычайная трезвость сознанія, чтобы развѣнчать прельстительный обманъ. Въ такомъ пониманіи силы зла Пушкинъ слѣдуетъ христіанскому ученію о грядущемъ Искусителѣ. Онъ придетъ, человѣческій врагъ, и соблазнитъ слабодушныхъ строгою жизнью и видимостью аскетическихъ подвиговъ. Предваряя послѣднее искушеніе, Пушкинъ выкликаетъ своихъ предтечей Антихриста.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Своего первого соблазнителя Пушкинъ выбралъ въ образѣ скупого. Въ томъ есть глубокая идея. Въ психологіи скупца всего явнѣе различимы скрытые пороки индивидуализма. Съ лѣтами духъ Пушкина становится все болѣе мірообъемлющимъ. Окончательно установились ему присущія качества: отзывчивость эха, радость безграничнаго постиженія, щедрость полнаго и любящаго сердца. Въ свѣтѣ новаго сознанія какимъ встаетъ дотолѣ чаровавшій индивидуализмъ? Замкнутость и отчужденность, потребность выдѣлиться, а не раствориться, потребность себя поставить, какъ первенствующаго, какъ средоточіе вселенной—все эти стремленія эгоцентризма изжиты поэтюмъ навсегда. Въ угрюмой склонности все поглощать и въ себѣ накачивать, ничѣмъ не отвѣчая міру, теперь поэту видится душевная черствость и скарденность. Неправо возвеличенный эгоистъ, въ дѣйствительности, холодный скряга. Въ противоположность солнечному, всеодаряющему духу себялюбивый гордецъ—герой мрачнаго подполья. Поэтической замыселъ приводитъ въ подвалы рыцаря.

Въ критической литературѣ достаточно выяснено, что побуждало Пушкина брать образы въ западноевропейской жизни. Здѣсь была та естественная среда, въ которой возникъ и развился индивидуализмъ, и какъ явленіе и какъ принципъ. Въ центрѣ европейской исторіи и мысли стоитъ человекъ съ могучими страстями и своенравной волей. Напротивъ, въ русскихъ условіяхъ ничто не допускало расцвѣта самодовлѣющей личности. Такимъ образомъ, разъ требовалось создать образъ одинокаго героя, то въ подлинномъ ли видѣ или въ русскомъ отраженіи, но приходилось его заимствовать на Западѣ. Задача національнаго гения сводилась къ тому, чтобы дать собственное

освѣщеніе сложившагося типа, выработать самобытное къ нему отношеніе, произнести свой приговоръ и въ противоположность ему утвердить свой народный идеалъ. Такъ начинается борьба съ Западомъ въ русской литературѣ, которая тянется черезъ все столѣтіе, до нашего времени еще не сказавши послѣдняго слова. Наиболѣе яркой примѣтой гениальности Пушкина является то, что у него проблема личная совпала съ національной.

Титаническій образъ барона выступаетъ въ его монологахъ, въ этомъ чудѣ поэтической мысли и языка. Въ изумительномъ предвидѣніи и съ единственнымъ совершенствомъ выраженія, въ которомъ упругая сжатость и сила рѣчи достигла абсолютной необходимости формы, Пушкинъ до самыхъ корней обнажаетъ психологію послѣдовательнаго эгоцентризма, до послѣднихъ, до того еще неслыханныхъ выводовъ договариваетъ будущую западную философію и вызываетъ то грандіозное видѣніе, которому въ послѣдствіи суждено было стать величайшимъ соблазномъ вѣка. Предугадывая неизбѣжное движеніе атеистической мысли и предупреждая открытія Достоевскаго и Нитцше Пушкинъ первый въ своихъ точно высѣченныхъ на скрижаляхъ изрѣченіяхъ даетъ теорію сверхчеловѣчества. Никто другой, какъ онъ впервые назвалъ и атрибутъ грядущаго человѣкобога: волю къ власти, по Достоевскому—своеволіе. Надо же, наконецъ, признать все философское величіе въ замыслѣ «Скупого рыцаря». Необходимо было пройти столѣтію, необходимо было Достоевскому выносить свои головокружительныя прорицанія, чтобы въ прозрачномъ Пушкинѣ была измѣрена его непостижимая глубина. Какъ трудно по зерну опредѣлить растеніе, такъ нужно было, чтобы изъ Пушкина выросла вся послѣдующая литература, чтобы стало ясно, что въ немъ заключалось. Вѣдь не въ психологическомъ же очеркѣ скупости идея пьесы, но въ созданіи величайшаго образа, но въ пророчествѣ наступающаго искушенія. Скупость у барона не имѣетъ самодовлѣющаго значенія, и какъ служебное средство, подчинена господствующей страсти: волѣ къ могуществу.

Какой представляется эта страсть людской молвѣ, умамъ поверхностнымъ и равнодушнымъ. Въ ихъ бѣгломъ сужденіи есть то, что можно высказать лишь мимоходомъ и на первый взглядъ. Проникнуть глубже имъ и нелюбопытно и непосильно. А на первый взглядъ видитъ общій глазъ въ баронѣ презрѣннаго кашея, прорѣху на человѣчествѣ, въ его героическомъ

стремленіи постыдную скаредность—и только. Даже хищная жадность жидка кажется достойнѣе. Тотъ видить въ деньгахъ, если не слугъ, то надежныхъ друзей. «А мой отецъ—берется обсуждать, что выше его ума, турнирный удалецъ, Альберъ

«Не слугъ и не друзей

Въ нихъ видить, а господъ; и самъ имъ служить.
И какъ же служить? Какъ Алжирскій рабъ,
Какъ пестъ цѣпной. Въ нетопленной канурѣ
Живеть, пить воду, ѣсть сухія корки,
Всю ночь не спать, все бѣгаетъ, да лаетъ».

Такъ тонетъ въ пошлости толпы угрюмый подвижъ аскетарыцаря. Но сцена мѣняется. Предъ нами ночь, подвалъ. Подъ сводами, въ потемкахъ слышенъ голосъ барона. Что же барочеты спустившійся къ сокровищамъ могильщикъ золота? Онъ вспоминаетъ о своихъ дневныхъ чувствахъ тамъ, наверху, о старческомъ томлени ожиданья. Эти чувства сплотились около единой неподвижной мысли, а мысль застыла вокругъ сундуковъ. Первое же сравненіе съ жгучимъ нетерпѣньемъ любовника говоритъ о могущественной и ревнивой страсти. Но въ противоположность знойному желанію повѣсы страсть скупого безплотна и платонична. Злой старикъ, баронъ необузданный мечтатель, рыцарь бѣдный молчаливыхъ грезъ, одинъ изъ той породы подвижниковъ, которые живутъ для безраздѣльной мысли, для исполненія даннаго обѣта. Не жадное насыщеніе обычной чувственности даетъ смыслъ ихъ существованію, но взятый крестъ, но торжество идеи, но преданность мечтѣ. Человѣческая природа въ нихъ обречена на муки самоистязанья, на медленную дисциплину фанатика, на противоестественное перерожденіе въ цѣляхъ идеала. Въ нихъ господствуетъ деспотическая воля, которая сама на службѣ царственной мечты.

Съ чувствомъ преодоленныхъ преградъ вызываетъ въ памяти прошлое баронъ.

«Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мигъ
Все это стоило?»

Баронъ страстотерпецъ и святой, но его святость какому Богу она угодна?

А далѣе мы слышимъ о трудѣ медлительныхъ стяжаній. Глухая, непрерывная, по мелочамъ, по горсти бѣдной, его дѣятельность не хочетъ знать ничего не разчитаннаго, дающагося даромъ. Въ ней нѣтъ кипучаго задора, готовности размахнуться и рискнуть. Вѣдь рискъ основанъ на вѣрѣ въ счастливый случай, въ удачу, въ которой человекъ невластенъ. Но баронъ не мальчикъ и не игрокъ, который «гремятъ костями, да груды загребаютъ». Не на дары судьбы у него расчетъ, но на добычу, захваченную цѣлко. Управляетъ единственною воля, трезвая, воздержная, надменно полагающаяся на одна себя. Чему же она служитъ? Въ великолѣпномъ уподобленіи баронъ выговариваетъ самую тихую идею, свой бессонный замыселъ: быть властелиномъ. Баронъ произноситъ верховное слово антихристіанской культуры. Возвеличенный, обожествленный человекъ, единственный—вотъ кто стоитъ на вершинѣ атеистической морали. Въ ней есть открытый вызовъ Богу вселенной, въ ней отпаденіе отъ общаго начала, побѣда центробѣжной силы и зачинаеье собственнаго, уединеннаго пути. Не Богъ, а демонъ—вотъ въ чье имя совершается подвигъ. Баронъ встаетъ какъ вѣчный супостатъ Міродержавнаго Правителя.

«...Какъ *нѣкій демонъ*,
Отселѣ править *міромъ* я могу».

Подъ маской скупости не разглядѣли сатаны. Князь міра, въ деньгахъ баронъ принялъ всемогущую мірскую силу и подчинилъ ее своей волѣ и ею основалъ свою державу. Скупость? Но въ скупости тусклая привязанность къ мертвой вещи и ничего больше, а здѣсь безбрежное воображеніе, горизонты, способность наслаждаться умозрѣніемъ, способность грезить на яву и вызывать видѣнья. Не тупость, не омертвѣніе души, но воодушевленіе, но подъемъ.

«Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою,
И музъ дань мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и бессонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползаетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей чытая воли».

Но тутъ вспоминаются слова Фіеско изъ трагедіи Шиллера: «величественно—достигнуть царства, но отказаться отъ него—божественно». Нуждается ли рыцарь въ реальномъ осуществленіи того, что такъ ярко носится и что онъ осязаетъ въ мечтахъ? Здравый смыслъ теряется, пораженный нелѣпою, бесплодною страстью. Но зачѣмъ осуществленіе барону? Воля къ власти рыцаря чиста и непримѣсна. Она не искажается никакимъ общелюдскимъ вождельніемъ. Въ огнѣ идея перегорѣло все летучее, чувственное, присущее «дрожащей твари». Все болѣе открывается мысль барона: перестать быть человѣкомъ, быть выше всѣхъ желаній, войти въ новый, еще неиспытанный строй духа, основать высшую породу существа. Жить не въ побужденьяхъ чувствъ, а только самодержавной волей. Господство не только внѣшнее, но и внутри, въ себѣ самомъ. Желанье связываетъ. Въ той мѣрѣ неполно могущество, въ какой существуетъ зависимость отъ міра. Отсюда цѣль: умерщвленье всѣхъ хотѣній, отсутствіе всѣхъ связей, отрѣшенность. Величайшее безстрастіе чрезмѣрно развитого мозга, которое, чуждаясь, реальныхъ исполненій, находитъ удовлетворенье въ призракахъ.

Но для утоленья изначальной воли къ власти баронъ также не хочетъ дѣйствительнаго обладанья. Какъ и въ другихъ случаяхъ, лучшимъ толкователемъ Пушкина является Достоевскій. Вотъ какъ развиваетъ идею скупого подобный ему фантазеръ—**П о д р о с т о к ъ**.

«Мнѣ не нужно денегъ, или лучше, мнѣ не деньги нужны, даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что пріобрѣтается могуществомъ и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется міръ! Свобода! Я начерталъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы обаятельно и прекрасно. У меня сила и я спокоенъ. Громы въ рукахъ Юпитера и что же: онъ спокоенъ; часто ли слышно, что онъ загремитъ? Дураку покажется, что онъ спитъ. А посади на мѣсто Юпитера какого-нибудь литератора, или дуру деревенскую бабу—грому-то, грому-то, что будеть!»

Итакъ, единственно свобода существа достигнутого, недѣятельнаго, равнодушнаго, нашедшаго покой. Высочайшій горный пикъ человѣческаго духа. Предѣлъ гордыни. Чистая,

абстрактная идея воли къ власти, не затемненная никакимъ эмпирическимъ содержаніемъ. Дельфійскій идолъ.

«Одинъ (Дельфійскій идолъ) лгетъ младой—
Быль гнѣветъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой негемной».

И дальше. Возведенный золотомъ на вершину всемогущества, баронъ почувствовалъ, какая страшная владычествующая сила въ деньгахъ.

«Сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, лишеній и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!»

Но тамъ, въ людскихъ низинахъ, гдѣ царитъ жалкая нужда, грошевыя желанія, животныя инстинкты осквернены и деньги въ ихъ мѣнливой силѣ. Нейтральныя сами по себѣ, всѣ качества онѣ пріемлютъ отъ своего владѣльца. Пусть же отнимется у недостойныхъ могущество, которымъ пользуются убого, мелко бездарные торгаша! Человѣкъ съ переплавленной душою, баронъ дастъ новое употребленіе деньгамъ. Въ его рукахъ преобразуется ихъ ходовая сущность, онѣ очистились отъ пота, слезъ и крови, и вознесены, и прославлены, какъ свѣтоносные слуги мощнаго Царя. Въ гигантскихъ вмѣстительствахъ накоплена міровая энергія, какъ двигатель въ рукахъ человѣкобога. Съ торжественностью освященія баронъ погребаетъ въ мирныхъ сундукахъ заблудшія сокровища.

«Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..»

Баронъ до конца высказалъ свой замыселъ: быть Богомъ, всеильнымъ, нежелающимъ, безмолвнымъ.

Новый идеалъ влечетъ переоцѣнку человѣческихъ понятій о добрѣ. Съ новой точки зрѣнія позволено все злое, грѣховное, преступное: безжалостная суровость сердца, готовность принять на совѣсть злодѣянье, способность безтрепетно повелѣвать. Еще необличенный самозванецъ, баронъ совершаетъ величайшее изъ посягательствъ: назваться прирожденнымъ героємъ, «мощнымъ властелиномъ Судьбы». Онъ присваиваетъ

нравственность героевъ: Петра Великаго, Александра, Наполеона. Тѣ люди изъ бронзы строятъ столицу на костяхъ тысячъ, тратятъ арміи въ Египтѣ, забываютъ въ поляхъ Россіи, и нѣтъ въ нихъ укора, даже простой памяти о погибшихъ. Въ нихъ есть сознаніе великаго, которому они служатъ, и они въ силахъ разрѣшить себѣ то, предъ чѣмъ задрожитъ малодушный. Къ этой расѣ деспотовъ хочеть принадлежать баронъ. Подобно имъ онъ пріобрѣлъ страшный даръ перешагнуть и не смутиться. Онъ усвоилъ ученье, которое впоследствии Нитцше назвалъ моралью господъ. Въ теоріи барона добро не въ счастья многихъ, но въ величіи одного. Чернь обречена быть пьедесталомъ героя. Тутъ только другой нравственный принципъ, но разъ признавъ его, баронъ дѣйствуетъ, какъ человекъ моральной воли: въ немъ есть и твердость, и вѣрность, и долгъ. Не чувовищная страсть имъ управляетъ, а категорическій императивъ. Мягкосердечіе было бѣ для него и паденіемъ, и въ его дѣйствіяхъ должны мы видѣть не кровопійцу-ростовщика, не изверга, но мужа и царя.

«Но человека человекъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ адомъ:

Принесъ, и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалапа на льги,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Необъдимого владыки».

Дублонъ вдовы долженъ достаться Царю. Ему вольеть онъ лишнюю каплю силы, изъятый изъ людского употребленья, онъ перестанетъ служить страстямъ и нуждамъ и пріобрѣтетъ благородство орудія героя.

Но здѣсь проходитъ глубокая черта, которая отдѣляетъ рыцаря отъ прирожденныхъ властелиновъ. Баронъ не настоящій, не призванный, какъ тѣ, и право повелителя ему досталось не посланіемъ судьбы, а добыто долгимъ и мучительнымъ усиленіемъ. Не только укрощать порывы страсти и умерщвлять природу принуждала его идея, но также преодолѣть внѣдрившіяся понятія о добрѣ и злѣ. Съ трудомъ и болью можно было искоренить исконныя вѣрованія. Сроднившись съ сердцемъ чело-

вѣка, они не хотѣли уходить и только насильемъ ихъ можно было вырвать. Темный мученикъ, баронъ и это испытанье принялъ. Безмѣрно преданный мечтанью, онъ вынесъ все терзанья старой совѣсти, прошелъ безстрашно, какъ подбагаетъ рыцарю, сквозь лѣсъ чудовищъ и мертвецовъ. Онъ своего достигъ: онъ вынулъ трепетное сердце и убилъ принца. Все человѣческое было истреблено. Остался только трупъ истерзаннаго. Но не голосъ Бога его подниметь, и не Его волею исполнится ожившій. Пророкъ своеволя, баронъ возстанетъ во имя самого себя.

Здѣсь Пушкинъ обнаружилъ несравненную мощь великаго психолога. Онъ придалъ барону завершительную черту, вложивъ въ него жуткія ощущенія убійцы. Въ томъ есть глубочайшій смыслъ. Пусть на дѣлѣ его руки отъ крови чисты, однако въ мысли и въ воображеніи онъ испыталъ все извращенные соблазны злодѣянья. Запреты крови баронъ преступилъ не въ отвлеченной теоріи и только, брезгливый или робкій въ дѣйствиіи исполнить въ умѣ лишь выношенное убѣжденіе—нѣтъ, но стѣсненемъ сердца, но трепетомъ и жаромъ онъ пережилъ страшную пріятность убійства и тѣмъ всецѣло его принялъ на совѣтъ.

Еще одна послѣдняя черта. Ею Пушкинъ достигаетъ паразитическаго свѣтового эффекта. Зловѣщимъ заревомъ зажглось лицо барона. Убійца и скупецъ, онъ поэтъ обладанья. Не просто знать о своемъ всесиліи, но созерцать въ фантазіи, но любоваться волшебными зрѣлищами—вотъ его блаженство. Пиръ глазъ и воображенія! Въ лучистомъ блескѣ желтыхъ грудъ какимъ колоссальнымъ образомъ вырастаетъ гордый демонъ!

Блаженство хочетъ вѣчности. Но какое безсмертіе возможно для отступника-барона? Одно ему дано: жить въ потомствѣ и черезъ потомковъ въ дѣлѣ. Знать передъ смертью, что вѣковѣчно воздвигнутое царство, что возродится его духъ въ наслѣдникѣ, въ ему подобномъ затворникѣ, въ трезвомъ и безчеловѣчномъ скупцѣ. Такъ рождается царская мысль—вопросъ о замѣстителѣ—и вмѣстѣ съ нею послѣднее страданіе. Не утрата власти мучительна, но качество наслѣдника. Баронъ не видитъ въ сынѣ достойнаго преемника. Онъ не въ отца—«безумецъ, расточитель молодой, развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ». Вспоминается сходное опредѣленіе Сальери: «безумецъ, гуляка праздный». Необходимо вдуматься въ

смысль этой брани. Люди личной воли, сознательныхъ стремленій, они оба не признають нечаянныхъ подарковъ свыше— безпричинныхъ успѣховъ, незаработанныхъ удачъ. Для нихъ не существуетъ Неисповѣдимои Воли, извѣчно предопредѣляющей долю каждаго, передъ которой они смиренно бы склонились. Надменные, они хотятъ установить свои самочинные законы и знаютъ лишь право заслуги и собственнаго приобрѣтенія. И потому нѣтъ безумнѣе ненависти, чѣмъ та, какую навлекаютъ любимцы случая, бездѣльники-счастливыцы, которые со смѣхомъ расточаютъ, что было скоплено другимъ цѣною кроваваго пота. Такъ, ни за что упавшее наслѣдство для барона возмутительное присвоеніе, воровство.

*«Украсть ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ...»*

«А по какому праву?»— вотъ дерзновенный окрикъ, который дѣти сатаны бросаютъ къ небу. Ярость и буря поднимается противъ произвола Правителя.

Но существуетъ злѣйшая обида, нежели несправедливый капризъ судьбы: оскорбленіе святыхи. Могучую духовную державу создалъ изъ золота баронъ. Въ его рукахъ оно послушно служить величайшему. Аристократическій идеалъ морали осуществленъ. Если бѣ только знать, что не умретъ дѣло жизни, продолженное наслѣдникомъ. Но видитъ рыцарь, что колеблется и скоро рухнетъ достигнутая высота, и снова деньги погрязнутъ въ трясинѣ пошлости, и снова мощно лишь царство черни. Непобѣдимость хама, крушеніе великой мысли и торжество ничтожества— вотъ пытка, которой нѣтъ нестерпимѣе.

*«Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,—
Онъ расточитъ...»*

И тогда снова возвращается мысль о безсмертіи, но уже мысль искривленная, нелѣпая, страшная.

*«О, если бѣ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! О, если бѣ изъ могилы*

Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на суздукѣ и отъ живыхъ
Совровища мои хранить, какъ нынѣ!..»

«Ты царь—живи одинъ». Всею совокупностью своего опыта, идеала, привычныхъ чувствъ баронъ былъ опредѣленъ жить внѣ человѣчества. Мертвецъ при жизни, не могъ онъ раздѣлять ребяческой суеты вседневности. Забывшійся паукъ, рѣдко выбѣгалъ онъ изъ своего угла, чтобъ только высосать поправшуюся жертву. Единственный, въ себѣ самомъ замкнулъ онъ цѣлую вселенную. Богъ всемогущій и нежелающій, незримо уединился онъ въ сознаніи силы и покоя. Такимъ онъ долженъ былъ остаться до конца. Въ немъ должна быть цѣльность несокрушимаго духа, твердость мраморнаго кумира и недосыгаемость толпѣ. Но размаху не соотвѣтствовалъ характеръ. Баронъ не былъ цѣльнымъ, потому что былъ ненастоящій. Сомнительная двойственность едва замѣтной трещиной прошла черезъ этотъ монолитъ. Въ своихъ высоконарныхъ дерзаніяхъ онъ не былъ весь, совмѣщая наравнѣ со всѣми житейскія противоположности. Скупой—баронъ не переставалъ быть рыцаремъ. Затворившись на пустынныхъ высотахъ, онъ въ то же время оставался среди людей, не выходя изъ сложной сѣти феодальныхъ отношеній. Державный Царь у себя въ подземельи, онъ былъ лишь однимъ изъ многихъ вассаловъ наверху, у герцога. Ничему непослушный, онъ счастливъ явиться по приказанію государя, готовъ кряхтя влѣзть на коня и обнажить рукой дрожащей мечъ, и безъ сомнѣнія, ему польстилъ отзывъ герцога о немъ, какъ о вѣрномъ, храбромъ рыцарѣ. Зависимость проникаетъ еще глубже. Подчиненность барона рыцарскому міру не только внѣшняя: раздѣляя все его понятія, баронъ принадлежитъ къ нему и по духу также. Сломивъ законы совѣсти, онъ не въ состояніи отдѣлаться отъ предрасудковъ касты. Все связи порвалъ онъ съ міромъ, но общество, но все предъявляютъ къ нему свои права, и этихъ правъ баронъ не можетъ сбросить. Ясно опредѣлилась идея пьесы. Она въ конфликтѣ между подпольемъ и дворцомъ въ душѣ рыцаря. Тамъ въ погребѣхъ былъ апофеозъ барона. Теперь обнаруженіе смертныхъ слабостей. Виновникомъ случился его сынъ. Онъ счастливецъ: не сѣетъ, не собираетъ въ житницы, ломаетъ только копыя, да рискуетъ даровою грудью, а между тѣмъ успѣлъ найти сплоченныхъ заступниковъ, съ которыми барону не совладать. За него все общество, герцога,

высшая судьба, но главное, что самъ баронъ не можетъ отрицать своихъ обязанностей къ нему. Посягательство есть, явное и наглое, но почему же баронъ не встанетъ за себя и не отвергнетъ незаконныхъ притязаній? Почему только одинъ булатный мечъ въ силахъ защитить богатство, а царское слово молчать? Недавно, въ подвалѣ онъ у Бога домогался доказательства права, а тутъ, предъ герцогомъ, теряется, невнятно лепечетъ что-то. Приходится пускаться въ хитрости, въ увертки. Начинается рядъ изворотовъ, постыдныхъ сдѣловъ съ честью. Чтобы спасти сокровища, баронъ идетъ на ложь, на клевету. Хотѣлось бы возможно меньше избыть позорную необходимость, но недомолвокъ мало, надо выговаривать слова сполна. Темными навѣтами герцогъ не довольствуется и вынуждаетъ къ прямымъ обвиненьямъ. А ихъ нѣтъ, непровержимыхъ обвиненій. По существу баронъ въ нихъ правъ: вѣдь точно сынъ его по совѣсти отцеубійца и вправду жаждетъ его смерти и зарится на отцовское наследство. Но сегодня все противъ барона: его убѣжденье необоснованное, смутное, составленное изъ подозрѣній и предчувствій, справедливо только для него одного, а формально у него нѣтъ ни доводовъ, ни подтвержденій. А въ сложившихся обстоятельствахъ важна сторона формальная. И когда баронъ получаетъ злѣйшее оскорбленіе, онъ не въ состояніи ни опровергнуть его, ни назвать формальною неправдой, а въ то же время вся рыцарская кровь закипаетъ бунтомъ. Настала проба царственному призванію рыцаря, проба первоначальная, простѣйшая. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, онъ себя покажетъ не мячикомъ предразсужденій, не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ, но мужемъ съ честью и умомъ. Простительно дурачиться въ осьмнадцать лѣтъ, но не ему, задорному молодцу, вывести изъ гордаго покоя презрѣвшаго міръ мудреца. Онъ знаетъ свою правоту, съ него довольно сего сознанія, а тамъ пусть въ дѣтской рѣзвости цетинится тигренокъ. Царь, озирающій моря и доли, неужели станетъ мѣряться съ гулякой-сыномъ? Это была минута крайней опасности, когда на вѣсахъ колебались царственность и рыцарство барона. Перетянуло рыцарство.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣль!..
Ты могъ отцу такое слово молвить!..
Я лгу? и передъ нашимъ Государемъ!..
Мнѣ, мнѣ... или ужъ не рыцарь я?..

Всесвѣтнѣйшій повелитель связался съ мальчикомъ, ведетъ себя, какъ всѣ, и договорить-ли слово?—покойный герцогъ оказался пророкомъ и его другъ черезъ двадцать лѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ «глупъ передъ этимъ малымъ». Сначала смутился, задумалъ вывернуться ложью, а уличенный, вспылъ, обрушился нелѣпо на подростка и бросилъ вызовъ.

Конечно: быть должно презрѣнне
Цѣной его забовныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...
И вотъ общественное мнѣнне!
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится мѣръ!

А дальше еще позорнѣе: «нѣкій демонъ» прибѣгаетъ къ защитѣ Бога. Его допросчикъ призываетъ въ покровители Его правоту: такъ подыми же, Боже правый! А еще дальше—неудача брошенной перчатки, старческая немощъ и, наконецъ, оно, неслыханное униженье отъ мальчика:

Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ...

Все покрывается послѣднимъ воплемъ оголившейся страсти: ключи, ключи мои!

Но что же было передъ нами въ погребахъ? Ослѣпительное наважденье, безмѣрно раздраженный умъ, бесплодное кипѣнье въ пустотѣ?

Чужаждъ печальный и опасный,
Созданье ада или небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ?...

Подражанье великому, старикъ-обманщикъ, одна изъ масокъ міровой пародіи. Въмѣсто торжествующаго Люцифера жалкій финалъ человѣческой трагикомедіи.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

«Моцартъ и Сальери» прямое продолженіе «Скупого рыцаря». Трагическое препятствіе, которое тамъ явилось, какъ нѣчто непредвидѣнное, въ постепенномъ развитіи пьесы, становится здѣсь центральной идеей, устанавливающей весь ходъ дѣйствія. Повторяется то же столкновеніе стремящейся, гордой воли и несповѣдимаго предопредѣленія, дѣйствующаго вопреки всеѣмъ расчетамъ человѣческаго ума. Въ своемъ демоническомъ замыслѣ баронъ вдругъ встрѣчаетъ непобѣдимаго противника, со смѣхомъ разрушающаго все дѣло его жизни. Такъ рождается трагическая проблема, о которую разбился баронъ: а по какому праву даромъ надѣляется небо празднаго счастливца тѣмъ высочайшимъ благомъ, которое должно быть естественнымъ результатомъ добросовѣтнаго труда? Бунтъ, которымъ кончаетъ баронъ, вновь поднимаетъ Сальери.

Со времени Бѣлинскаго въ критической литературѣ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ утвердился извѣстный взглядъ на трагедію, въ которой хотятъ видѣть параллельное изображеніе двухъ типовъ художниковъ. «Идея трагедіи—вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія» — такъ пишетъ самъ Бѣлинскій. Однако сущность трагедіи заключается не въ простомъ противоположеніи двухъ различныхъ характеровъ, но въ ихъ непримиримомъ внутреннемъ противорѣчій и неизбѣжной катастрофѣ. Поэтому различіе между тѣми, кого Бѣлинскій назвалъ геніемъ и талантомъ, не только въ степени дарованія: количественная неравномѣрность не есть качественная противоположность. Предъ нами не двѣ однородныхъ натуры—только съ неодинаковой одаренностью, но двѣ взаимно-исключающія духовныя сущности, два антипода. Предъ

нами поэтъ и смертный, какъ понималъ того и другого самъ Пушкинъ.

Два признака отличаютъ, по убѣжденію Пушкина, гения: произвольность и боговдохновенность. Поэтъ—божественный посланникъ, избранникъ неба, ничтожное дитя міра во всемъ другомъ, но существо сверхчеловѣчески-перерожденное въ моментъ призыва.

Творческій подъемъ это одержимость, наитіе высшихъ силъ, въ которыхъ человѣкъ невластенъ. Напрасно было бы по волѣ вызывать и «звуки и смятенье». Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, а не по желанью человѣка. Самъ Пушкинъ даетъ намъ описаніе двухъ глубоко разнородныхъ процессовъ. Одинъ, когда поэтъ намѣренно пытается творить. Въ результатѣ жалкая неудача и бессилье.

Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу; глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ неидетъ... Теряю всѣ права
Надъ римой, надъ моею прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я превращаю споръ...

Но вотъ другое уже «благодатное расположеніе духа», то сладостное забвеніе, въ которое погружается поэтъ, когда онъ чувствуетъ приближеніе бога.

Но гаснетъ краткій день—и въ камельгѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ летѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я предъ нимъ читаю,
Иль думы долгиа въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепететь, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И римы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.

Непроизвольное, сошедшее откуда-то вдохновенье вмѣстѣ съ тѣмъ бездѣльно и не подлежащее никакимъ разумнымъ объясненіямъ.

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Зачѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.

Осѣненный благодатью, поэтъ съ высоты взираетъ на жизнь. Подъ именемъ пророка поэтъ у Пушкина даже перестаетъ быть человѣкомъ, надѣленный чудесными способностями космического всепознанія.

Въ трагедіи подобнымъ является Моцартъ. Свѣтлый и бездумный, онъ весь во власти сверхчеловѣческаго насилія. Онъ обладаемый безумецъ, бессознательно воспринимающій невѣдомыя внушенія. Въ немъ нѣтъ ничего преднамѣреннаго, никакого принужденія надъ собою. Безпечный и привѣтливый, онъ живетъ мгновеньемъ; большой ребенокъ, играетъ на полу съ мальчишкой-сыномъ; дружелюбный и смѣшливый, спѣшитъ развеселить товарища неожиданной шуткой, а между тѣмъ, само собою, невзначай къ нему приходитъ кое-что, двѣ-три мысли, отъ которыхъ плачетъ потрясенный врагъ. А для него онѣ бездѣлица, и вотъ ужъ онъ забылъ про нихъ и новую напелъ забаву—развлекаться трактирной музыкой слѣпного бѣдняка. Какъ нѣкій херувимъ, заноситъ онъ на землю райскіе напѣвы, а самъ не знаетъ, откуда въ немъ они,—и что же возразить ему на укоръ суроваго Сальери: «ты Моцартъ недостойнѣ самъ себя»? Онъ богъ, и самъ того не знаетъ, и шутитъ, что божество его проголодалось. Свой даръ принялъ онъ смиренно, какъ незаслуженную благодать, и не испытываетъ неисповѣдимыхъ путей Бога. Наивно мирится онъ съ несогласимой двойственностью поэзіи и жизни, и, далекой отъ мысли дерзкимъ

вмѣшательствомъ что-либо измѣнить, спокойно соглашается, что ихъ немного избранныхъ, счастливецъ праздныхъ. Онъ понимаетъ, что геній всегда останется рѣдкой и безцѣнной роскошью, что онъ нуждается, какъ въ своей опорѣ и подножій, въ толпѣ, что иначе бы не могъ и мiръ существовать. Такъ онъ оправдываетъ Творца, и его мировоззрѣніе является простодушною теодицеей: правъ судьбы законъ.

Но не таковъ Сальери.

Какъ въ другомъ случаѣ съ Клеопатрой, такъ и теперь въ основу изображенія Сальери Пушкинъ положилъ случайно сообщенный анекдотъ.

«Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно ушивался гармоніей Моцарта, раздался свѣтъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, и знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, сѣдаемый завистью.—Сальери умеръ лѣтъ восемь тому назадъ. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. Завистникъ, который могъ освидѣтельствовать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца».

Голое извѣстіе о фактѣ, въ которомъ передается видимая всѣми сторона. А видятъ всѣ въ Сальери лишь бѣшеннаго завистника, одинаково способнаго и освидѣтельствовать генія и отравить. Но изумительно, какъ тянетъ казалось бы такого лучезарнаго Пушкина ко всему загадочному, запрещенному, зловъщему, въ самое подполье омраченной души, какъ близки его душѣ даже преступныя страсти. И вмѣстѣ съ тѣмъ съ какою проникательностью умѣетъ онъ разглядѣть подъ банальной внѣшностью величественныя побужденія и муки души высокой.

Въ противоположность избраннику Моцарту Сальери неудачникъ, пасынокъ природы, и его судьба—трагедія безсильнаго самозванства.

Въ драмѣ Ибсена, которая въ подлинникѣ буквально называется: «Дерево, изъ котораго вырѣзываются короли», ведутъ борьбу за тронъ истинный помазанникъ Гоконъ и его незаконный соперникъ Ярль Скуле. Повторяется взаимоотношеніе, какое существуетъ между Моцартомъ и Сальери. То обстоятельство, что тамъ дѣйствуютъ вожди и герои, а здѣсь поэты, положенія не мѣняетъ: вѣдь герой это поэтъ дѣйствія, а поэтъ—герой созерцанія. Но въ драмѣ Ибсена

есть еще одно лицо: епископъ Николасъ. Онъ также неудачникъ. Собственная его попытка завладѣть властью сорвалась. Теперь его дѣло только воздвигать королевскіе престолы. Но его мысль забирается неизмѣримо выше. Вотъ отрывокъ разговора между нимъ и Ярломъ Скуле.

Ярль Скуле. Отвѣтите мнѣ на одинъ вопросъ, высокочтимый владыка епископъ; но отвѣтите по всей правдѣ. Почему Гоконъ идетъ такъ, не сбиваясь, не спотыкаясь прямо впередъ? Онъ не умнѣе васъ, не храбрѣе меня.

Епископъ Николасъ. Кто совершаетъ величайшія дѣла въ мірѣ?

Ярль Скуле. Величайшій изъ мужей.

Епископъ Николасъ. А кто величайшій?

Ярль Скуле. Самый отважный.

Епископъ Николасъ. Такъ говоритъ вождь. Священникъ сказалъ-бы—самый благочестивый; ученый сказалъ бы—самый мудрый. Но это ни тотъ, ни другой, ни третій, ярль. Счастливлѣйшій—вотъ величайшій. Величайшія дѣла совершаетъ счастливлѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собою, словно въ порывѣ похоти, родятъ въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути; куда они ведутъ, онъ самъ не знаетъ, и все таки идетъ, долженъ идти ими, и идетъ, идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа,—остановится, оглядится съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло.

Скуле возражаетъ, что все-таки право на сторонѣ Гокона.

Епископъ Николасъ. Право на его сторонѣ, потому что онъ счастливецъ. Величайшее счастье—имѣть на своей сторонѣ право. Но по какому праву—право на сторонѣ Гокона, а не на вашей?

Ярль Скуле (послѣ краткой паузы). Буду молить Бога избавить меня отъ искушенія задаваться такими думами.

Сальери не умолилъ Бога и ему было суждено погибнуть отъ искушенія, съ которымъ еще не справился ни одинъ смертный. Подобно епископу, онъ обиженный и челобитчикъ. Вотъ онъ говоритъ, и съ первыхъ же словъ намъ ясно, что мы присутствуемъ при величайшей нравственной катастрофѣ. Вслушайтесь, поймите его рѣчи. Съ первыхъ звуковъ раздается голосъ сумрачный и ожесточенный, разбѣренно и непреклонно, какъ непоколебимые догматы, изрекающій выводы долгихъ и

мучительныхъ думъ. Такъ говоритъ умъ трезвый и безошадный, способный внятно договаривать самую таящуюся и губительную мысль. Въ его словахъ мы встрѣчаемся съ безсонно-выношеннымъ и созрѣвшимъ убѣжденіемъ, оставившимъ далеко позади всякую неувѣренность и колебаніе. Здѣсь есть нѣчто безспорное и окончательное, безстрашно выступающее противъ всѣхъ опроверженій. Здѣсь несокрушимая основа, на которой зиждится разочарованное міросозерцанье, ясная, какъ простая гамма, заповѣдь религіознаго разувѣренья.

Все говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.

Но правды нѣтъ—и выше...

Затѣмъ Сальери рассказываетъ скорбную повѣсть о томъ, что вынудило его прійти къ невѣрію. Сальери энтузіастъ, застѣнчивый мечтатель, искатель голубого цвѣтка, одинъ изъ тѣхъ, кого отмиѣтила луна. Прекрасное ему было дано постичь въ самой тонкой формѣ—въ музыкѣ. Подобно бѣдному рыцарю онъ имѣлъ одно непостижимое уму видѣнье:

Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія тевли...

Минуты сладкаго восторга рѣшили дальнѣйшую судьбу. Сгорѣвъ душою для всего земного, всего себя онъ посвятилъ своей Прекрасной Дамѣ. Единобожникъ музыки, Сальери сталъ подвижникомъ искусства. Надо хорошо понять его испепеляющую страсть. Возможно ль было спрашивать и какъ узнать, былъ ли онъ призванъ, и что его тревожный жаръ—смѣшной недугъ, раздраженье плѣнной мысли, или признакъ неба, высшій даръ? Вѣдь небо не даетъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ истиннаго избранничества и приходится рѣшать вопросъ на рискъ, прислушиваться къ земнымъ и, быть можетъ, ложнымъ голосамъ.

«Ты созданъ попасть въ боги—впередъ! Крылья у души есть! Вышины она не побойтся, тамъ настоящій ея элементъ! Дай свободу этимъ крыльямъ и небо твое... Будь ангеломъ» ...

Такъ призываетъ самого Пушкина въ своемъ письмѣ Жуковский. Но не шепталъ ли тѣхъ же обѣщаній внутренней го-

лось и Сальери, обѣщаній не дерзкихъ, не самолюбивыхъ но полныхъ спокойной вѣры? Сальери имъ послушался и двинулся впередъ. Едва отъ колыбели, онъ поднятъ на себя принудительный долгъ. Онъ долженъ достигъ высоты, откуда льются звуки, иначе онъ ничто, нѣтъ болѣе, неискупаемый преступникъ, предатель Святого Духа, духовный трупъ. Исторія его дѣтскихъ лѣтъ напоминаетъ житія угодниковъ, которые едва проснувшись мыслью задумываются и уединяются. Пустынникъ съ раннихъ дней, Сальери никогда не зналъ дѣтства. Онъ отъ природы постникъ и на зарѣ сознанія уже согнулся подъ тяжестью взятаго креста. Но если тѣ святія дѣти полны смиренія и стыдливой надежды на благодатную помощь Отца, то, напротивъ, одна лишь собственная воля, незнающая иныхъ поддержекъ выступаетъ у молодого Сальери. «Упрямо и надменно», полагаясь на одного себя онъ тронулся въ путь. Могло ли быть иначе? Вѣдь Сальери ничѣмъ не одаренъ свыше, никакой не воспринялъ благодати и ничѣмъ не обязанъ небу. Своими силами онъ принужденъ добывать свой геній. Въ немъ есть только упорство, готовность все преодолѣть и одинъ повелительный голосъ: ты долженъ стать ангеломъ. Зачѣмъ? Для славы, для поклоненія людскаго, для утоленія честолюбія? О, нѣтъ! Сальери понялъ, что внѣ геніальности для него нѣтъ жизни. И вотъ ему надо приступить къ азбукѣ, начинать съ перваго шага, сознательнымъ усиломъ внѣдрять элементы. Ремесло поставилъ онъ подножіемъ искусству. Лишенный синтетическаго природнаго дара, онъ вынужденъ слагать единство аналитически, изъ составныхъ частей,—строить совершенство по камню, «по горети бѣдной», доходить человѣческимъ разсудкомъ до боговдохновенныхъ тайнъ, съ натугой раздувать творческое озареніе, насильно вырывать холодный звукъ. Божественный глаголъ не коснется уха Сальери. Его искусство не роскошный первобытный садъ, который выросилъ самъ Богъ, а хилые побѣги, что выгнаны въ теплицѣ. Какой контрастъ съ потомъ Божьей милостью!

Въ гармоніи соперникъ мой
Быль шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Взаимнъ Божией стихіи у Сальери наука. Поддѣльнаго гомункула изъ реторты онъ принимаетъ за выношенное въ родимой, кровной темнотѣ человѣческое дитя, успѣхи выучки— за нѣгу творчества. Пусть все такъ. Сальери обиденный, выкидышь судьбы. Зато какая цѣломудренная преданность искусству, съ какимъ благоговѣніемъ онъ чтитъ завѣтную святыню. Сначала томительные годы искуса, но и потомъ, ставъ мастеромъ, попрежнему онъ остается мученикомъ. Выскатальный художникъ, онъ безжалостенъ къ себѣ. Безропотно приноситъ въ жертву самое дорогое, что для него есть—любимыя творенья.

Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали...

Великій страдалецъ, Сальери въ то же время вѣчный странникъ въ искусствѣ. Никогда не зналъ онъ самодовольства въ осуществленномъ, но всегда горѣнье духа, исканье новыхъ достижений. Есть особенная чистота и возвышенность самоотверженной души въ способности Сальери снова принимать уроки ему равнаго. Ни ненавистничества, ни злобнаго сопернованья, но безкорыстная готовность усвоить въ свой составъ чужое открытѣе, пережить его, какъ собственное, стать апостоломъ новаго пророка. Сальери благороденъ и слишкомъ гордъ, чтобы завидовать человѣку, какъ онъ самъ. Съ какою страстностью возмущенія онъ отвергаетъ даже мысль, что онъ доступенъ зависти.

Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживъ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?

Слова, которымъ нужно вѣрить. Исключено всечеловѣчески-порочное и недостойное, и если все-таки зависть есть, — она иного рода. Надо только вдуматься, кому завидуетъ Сальери. Избраннику небесъ—и черезъ его голову, великій боготорецъ, онъ негодуетъ противъ Высочайшаго. Сальери счастливъ былъ, въ искусствѣ онъ возвысился до степени высокой,

наслаждался мирной славой, успѣхами друзей, позналъ наибольшее блаженство — найти въ сердцахъ созвучія своимъ созданіямъ. Ничто не говорило, что онъ заблуждается и принимаетъ сбивчивыя тропинки за торную дорогу въ небо. Была ничѣмъ не смущаемая увѣренность, что онъ созданъ попасть въ боги. Вдругъ онъ встрѣчаетъ Моцарта, и сразу же разсѣялся сладкій миражъ. Для Сальери Моцартъ внезапная и грозная проблема, сулящая только гибель. Вѣдь Моцартъ не Пиччини и не Глюкъ—простые смертные таланты, въ которыхъ Сальери согласенъ признать своихъ товарищей. Какъ нѣкоторыя животныя чувуютъ близость призрака или загробной тѣни, такъ и Сальери сразу же почувствовалъ въ Моцартѣ его сверхчеловѣческую природу. Что то чужеродное, какія-то иныя, неразгаданныя силы были въ этомъ чловѣкѣ. Вотъ онъ играетъ, и съ первыхъ звуковъ Сальери послышалось неслыханное, и въ мгновенье рухнула прекрасная иллюзія, и померкли и обезцѣнились труды, которыми такъ былъ гордъ онъ раньше. «Какая глубина, какая смѣлость и какая стройность!» Вдругъ прозрѣлась истина: божественная геніальность, его исконная и своевольно взятая задача, ради которой Сальери принялъ все терзанья, она принадлежитъ другому, а ему выпало на долю вмѣстѣ съ безмѣрнымъ восхищеніемъ надгробный плачъ надъ невозвратимою утратой:

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я!..

Что оставалось дѣлать Сальери? Смириться, показать величайшую безкорыстность, поклониться въ Моцартѣ святому Духу, который дышитъ, гдѣ хочетъ, и обрѣсти свое призванье въ самоотверженномъ служеніи Духу въ другомъ. Сальери представлялся случай совершить подвигъ, выше котораго нѣтъ, и въ то же время вмѣстить въ себѣ то вдохновенье, которое ему такъ мучительно не давалось. Обойденный геніемъ искусства, онъ могъ и долженъ былъ добиться геніальности въ любви. Но для того требовалось побѣдить грѣшное, бунтующее я и вырвать темный корень эгоизма. Сальери этого не сдѣлалъ. Божій Духъ онъ счелъ за личную принадлежность и вмѣсто молитвеннаго самозабвенья проявилъ лишь ревность собственника. Сальери далъ въ себя вселиться злomu духу и вмѣсто радостной причастности богоизбраннику онъ принялъ неугасимую муку

отвергнутого демона. Остальное въ дѣйствии и міросозерцаньи Сальери явилось слѣдствіемъ его первоначальной измѣны.

Но тутъ умѣстно вспомнить два-три примѣра изъ дѣйствительной жизни.

«Чудесный талантъ! Какіе стихи! Онъ мучитъ меня своимъ даромъ, какъ привидѣнъе».

Кто это говоритъ? Сальери? Нѣтъ, благомысленнѣйшій Жуковский о самомъ Пушкинѣ. А вотъ еще.

«На Руси много смѣшного, но я не расположенъ смѣяться. Во мнѣ веселость усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ руки. Все это служить пищей генію; но вотъ бѣда: я не геній. *Для чего же все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ захохотали бы всѣ черти*».

А это пишетъ другой подлинный Сальери—Боратынский. Да, для чего все было такъ, а не иначе? Кто отвѣтилъ на вопросъ язвительнаго демона? И если Жуковский въ духѣ своего общаго всеблагословляющаго міросозерцанія, вѣроятно, смущенно подавилъ шевельнувшееся чувство, если Боратынский справляетъ надъ собою тризну судорожнымъ смѣхомъ, если оба они не выходятъ за предѣлы своей отдѣльной участи, то Сальери поднимаетъ частный вопросъ на высоту космической проблемы, провозглашаетъ мятежь во имя поруганной справедливости и на убійственное рѣшеніе судьбы, бросаетъ ввысь свой возмущенный окрикъ: обида, боги

О небо!

Гдѣ же правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ—
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?..

Обычное соревнованіе соперниковъ перешло въ область религіозную и превратилось въ тяжбу обиженнаго сына съ Богомъ. Здѣсь бунтъ, здѣсь самое страшное богоотрицаніе, не умомъ, а сердцемъ, когда Бога отвергаютъ не потому, что его не знаютъ, а потому что его не хотятъ. Сальери не хочетъ несправедливаго Бога и не принимаетъ имъ установленнаго міропорядка. Искуситель епископъ оказался правъ: величайшій

есть только счастливѣйшій, въ которомъ неизвѣстныя силы словно въ порывѣ похоти родятъ мысли и творенья, которыхъ тотъ самъ не понимаетъ. Дѣла и заслуги человѣка—горящая любовь, усердье, самоотверженье—бесильны что-либо измѣнить въ извѣчномъ предопредѣленнѣ. Въ мірѣ господствуетъ голый произволь, безмыслица, или, можетъ быть, что-то еще обиднѣе. Разъ это правда, то надо до конца договаривать идею и соглашаться съ епископомъ: нѣтъ ни добра, ни зла, ни верха, ни низа, ни высокаго, ни низменнаго и все такія слова необходимо забыть. Сальери стоитъ новымъ Гамлетомъ, для котораго распались скрѣпы міра, и уже созрѣлъ его послѣдній выводъ: разъ правды нѣтъ, то пусть господствуетъ моя воля. Встрѣча съ Моцартомъ была для Сальери роковою. Прежняя увѣренность въ своей природной одаренности исчезла, вмѣстѣ съ нею была разрушена и наивная вѣра въ нравственный міропорядокъ. Возврата къ старому больше не было, приходилось вступать въ неизвѣданное будущее, идти по бездорожью. Передъ Сальери стояла дилемма, трагическое или—или, и безъ колебанія онъ установилъ свой выборъ.

«Нѣтъ! не могу противиться я долѣ судьбѣ моей» — такимъ вступленіемъ онъ открываетъ новую эпоху въ своей жизни и далѣе идетъ рѣшительно по намѣченному пути, какъ шель всегда. Сальери вновь чувствуетъ себя избранникомъ, онъ сознаетъ, что предназначенъ выполнить верховную задачу, что нѣкоторая равноправная сила подняла его противъ Бога и его посланника. Эта сила—принципъ личной воли, идея евоначального почина и собственнаго права. Человѣкъ не хочетъ быть только покорнымъ исполнителемъ безвѣстныхъ велѣній, но быть самопроизвольнымъ дѣятелемъ и обладать силой центробѣжной. Возставъ противъ насилія небесъ, Сальери знаетъ, что въ его борьбѣ съ Моцартомъ есть нѣчто большее, нежели вражда раздвоеннаго честолюбія. Столкнулись два несогласимыхъ, взаимно-уничтожающихъ начала. Что же, признаетъ ли Сальери безроднаго любимца случая и примирится съ тѣмъ, что священный даръ, что бессмертный геній дается ни за что, простой причудою судьбы? Но это значило бы отречься отъ своей души, признать ничтожество святости, которой онъ принесъ все жертвы. Разъ возобладаетъ искусство Моцарта, боговдохновенное и безумное, тогда вся жизнь Сальери, его служеніе и вѣра были ничѣмъ—ошибкой или дерзкой выдумкой, а самъ онъ былъ фиגляръ презрѣн-

ный, безчестившій пародіей помазанника. Нѣтъ, Сальери не таковъ, отъ правъ своихъ онъ не откажется. Повторяется мотивъ Алеко. Высокомѣрные своимъ умомъ, они не соглашаются, чтобы на страсть и вдохновеніе не было закона. Остается другое: свергнуть Моцарта и утвердить свое непокорное и безбожное искусство.

Но торжество Моцарта—конецъ не только для Сальери съ его глухою славой, но что важнѣе — того рода музыки, которому былъ онъ преданъ. Что же за искусство, которое спасти чувствуетъ призваннымъ Сальери? Изъ того, какія требованія онъ предъявляетъ къ Моцарту и чего въ немъ не находитъ, мы имѣемъ возможность сдѣлать нѣкоторыя умозаключенія. Въ противовѣсъ безумцу и праздному гулякѣ, насквозь сознательный и трудолюбивый Сальери намѣревается основать искусство всецѣло на человѣческомъ усилии, искусство преемственное, объединенное традиціей, методически подвигающееся впередъ и закрѣпляющее навсегда сдѣланное пріобрѣтеніе. Сальери помышляетъ объ особой поэтической культурѣ; о школѣ фанатичныхъ мастеровъ; о крѣпко спаянной и замкнутой кастѣ, вызывающе отвергшей мистическое происхожденіе искусства; о немногочисленной общинѣ мятежниковъ и завоевателей, дерзновенныхъ строителей вавилонской башни, ведущихъ приступъ неба. Собравшись втайнѣ, они должны производить свою работу медленно и непрерывно, какъ раньше самъ Сальери,—шагъ за шагомъ, отъ наставника къ ученику, не допуская ни паденій, ни чрезвычайныхъ достижений. Для такого плана Моцартъ ничѣмъ невызванное исключеніе, необъяснимая случайность, удачникъ, счастливый выскочка, непомнящій родства. Что пользы въ немъ? Его чудесный даръ не можетъ войти звеномъ въ составъ совокупнаго труда, необоснованный геній не можетъ быть связанъ съ устойчивою дисциплиной, съ движеніемъ всѣхъ. Какъ на непредвидѣнной удачѣ, на немъ нельзя установить никакого расчета. Онъ бесполезенъ въ общемъ дѣлѣ. Нѣтъ, болѣе того: онъ опасный, угрожающій врагъ. Онъ одинъ въ состояніи разрушить все, что было осуществлено съ такимъ усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ. Онъ снова соблазнитъ малодушныхъ. Какъ нѣкій херувимъ, онъ возбуждаетъ безкрылое желанье — желанье непосильное, несбыточное—напрасно раздраживъ, отниметъ и то небольшое, что было раньше пріобрѣтено. Услышавъ пѣсни рая, кто же

возвратится къ музыкѣ, какъ трупъ разъятой? Тогда снова рушилось дѣло Сальери. Его бездѣльное искусство придется вновь предоставить капризу вышнихъ силъ, а самимъ лишь ожидать, надъ чѣю головою вспыхнетъ огненный языкъ. Нѣтъ, разъ навсегда надо покончить съ самымъ принципомъ вдохновенности. Надо забыть о неподвластныхъ человѣку возможностяхъ и не давать обогать себя неисполнимыми надеждами. Если нельзя съ Богомъ, то созидать противъ Бога. Не подчиняться чьимъ-то прихотямъ, а основать свое искусство отступниковъ, въ которомъ Моцарту нѣтъ мѣста.

Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Такъ Сальери прибѣгаетъ къ дару Изоры. Вдумайтесь въ этотъ подарокъ возлюбленною яда. Въ немъ многое означено. Даже въ любви Сальери есть нѣчто губительное, духъ небытія, какой-то запахъ смерти. Сальери по натурѣ убійца и самоубійца. Онъ мало любитъ жизнь, несносной раной часто кажется ему она, и его мучитъ жажда смерти. Какая разница съ жизнелюбивымъ геніемъ, взять хотя бы Пушкина.

Но не хочу я, други, умирать...

О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю...

Есть тайная связь между эстетическимъ идеализмомъ Сальери и пессимизмомъ и тяготѣніемъ къ смерти. Онъ одержимъ единственнымъ влеченіемъ, и оно поглощаетъ его безъ остатка и уводитъ прочь отъ жизни. Въ душѣ Сальери, чахлой и скупой, распустился одинъ тропическій цвѣтокъ и изъ нея воссалъ въ себя все соки. Одно лишь творчество могло доставить ему радость, но Сальери знаетъ въ творествѣ одни терзанья. Раньше его поддерживала надежда, что, быть можетъ, посѣтитъ его восторгъ, и творческая ночь, и вдохновенье, но теперь надежда умерла. Зато исполнилось его другое ожиданье.

Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты,—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.

Съ наибольшей ясностью выступаетъ богоборческій духъ въ покушеніи Сальери. Слишкомъ «гордый», чтобы тягаться съ равными ему по человѣчеству, онъ ищетъ бремени тягчайшаго, ждетъ помѣриться съ «надменной высотой». Такъ знаменательно его незаглушимое предчувствіе какой-то высокой предназначенности. Безкорыстный, свободный отъ эгоистическихъ слабостей, онъ и здѣсь бережетъ въ себѣ дѣятели идеи, орудіе высшей мести. Глубокій и величественный, глухой къ мелочамъ, онъ молчитъ на людскія оскорбленія, и только «злѣйшая обида» его заставитъ возстать. Всю жизнь, какъ увидалъ онъ Моцарта, его Богъ мучилъ и на борьбу его можетъ вызвать Единственный Соперникъ. Завѣтный даръ любви переходитъ въ чашу дружбы. Въ этомъ актѣ есть весь паѳосъ человѣческаго жертвоприношенія. Все, что есть въ Сальери сердечно-нѣжнаго, вырывается по безопаданному требованію идеи. Дивно наполнилъ его восторгомъ «новый Гайднъ», на какъ раньше холодно онъ жегъ рожденные имъ звуки, такъ и теперь онъ не смутяся совершитъ свой тяжкій долгъ. Послѣднимъ отголоскомъ жалости или совѣсти прозвучитъ его испуганное восклицанье: «постой, постой!.. ты выпилъ!.. безъ меня?»—но и оно тогда же смолкнетъ.

Нѣтъ бремени, котораго не взялъ бы на себя Сальери ради торжества своего искусства. Подобно Бранду онъ готовъ итти на все, до самаго конца. Ни въ дѣйствіи, ни въ складѣ воли между ними нѣтъ различія. Но если Брандъ служителъ Вышняго Бога, то Сальери, приверженецъ Его вѣчнаго врага.

Но умерщвляя Моцарта, Сальери совершаетъ убійство также и надъ самимъ собою, и его душа, отсутѣлая и дотолѣ, мертвѣетъ окончательно, теперь, когда отсѣкъ онъ «страдавшій членъ». Въ пустыни отвлеченности Сальери высятся смертоноснымъ Анчаромъ.

А Моцартъ, довѣрчивый и благодушный, какъ всегда, не вѣдаетъ, что сидитъ съ братоубійцей, и пьетъ здоровье уже обречшаго его на смерть. Не вѣдаетъ, но онъ пасмуренъ и непокоенъ. Вѣщая душа, онъ полонъ необъяснимыхъ предчувствій. Вѣдь гениальность есть нѣкоторая близость къ сверхразумнымъ областямъ бытія. И Моцартъ что-то знаетъ о таинственномъ ходѣ темныхъ силъ вокругъ него. Онъ знаетъ и о преступленіи, гнѣздящемся въ душѣ Сальери, но, благородный другъ, не можетъ оскорбить подозрѣваемъ друга. Безильный понять и высказать, что съ нимъ происходитъ,

онъ въ музыкѣ выразитъ и свою веселость, и близость друга, и вдругъ—видѣнье гробовое. Теперь онъ на пирушкѣ съ тѣмъ же другомъ, но кажется ему, что ихъ не двое, что между ними третій, какой-то черный человѣкъ. Вотъ ощущенія, которыя такъ чужды насквозь рационалистической натурѣ Сальери. И въ этомъ сумрачномъ и достовѣрнымъ настроеніи, когда невольной темой разговора становится убійство, Моцартъ легко и просто, какъ все выходитъ у него, высказываетъ глубокую идею: гений и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя. Но почему же? Если бы спросить объясненія у самого Моцарта, онъ, вѣроятно, ничего бы не отвѣтилъ, а между тѣмъ онъ утверждаетъ съ увѣренностью самоочевидной истины.

Геніальность не есть специальное дарованіе въ какой-либо отдѣльной области мысли, но имѣетъ сущность всеобъемлющую, охватывая цѣликомъ всю душу. Геніальность есть то высочайшее развитіе духа, когда человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ не по случайнымъ и страстнымъ побужденіямъ, которыя не находятъ оправданія передъ его собственнымъ судомъ, но осуществляя каждымъ поступкомъ высшій, самостоятельно поставленный внутренній законъ или нормы, безразлично, будутъ ли тѣ нормы эстетическія, религіозныя или моральныя. Въ противоположность тому злодѣйство есть преступленіе автономнаго закона, побѣда темной страсти, которой совѣсть не принимаетъ на себя.

«Ты думаешь?»—иронически возражаетъ Сальери и уже однимъ тѣмъ вопросомъ онъ подтверждаетъ, что подлиннаго духа геніальности въ немъ нѣтъ. Когда же Сальери убѣдится въ правдѣ словъ Моцарта, будетъ поздно.

Онъ совершилъ свой тяжкій долгъ, возстановилъ нарушенную справедливость и теперь свободенъ воплотить свой идеалъ художника. Но почему же неожиданное сомнѣніе вползаетъ въ мысль, и терзаютъ проклятыя догадки? Пусть онъ убилъ, но вѣдь на убійство онъ шелъ, какъ Авраамъ на жертвоприношеніе сына. Можно ли назвать злодѣйствомъ подчиненіе долгу, если бы даже повелѣніе долга было смертнымъ приговоромъ ближнему? Вѣдь такъ увѣренно шелъ до сихъ поръ Сальери на убійство, какъ избранный остановить разрушителя святыни. Такъ почему же онъ поколебался въ своей правдѣ теперь, когда онъ выполнилъ верховный подвигъ? Геній, тотъ всегда увѣренъ въ правотѣ своего дѣянія, онъ спокоенъ, какъ власть имѣющій. А если дрогнетъ человѣкъ,

если прокрадется хотя бы смутное сомнѣніе въ себѣ, если уже онъ назвалъ свой подвигъ злодѣяніемъ, то значить не было императива, а были страсти, которыхъ самъ стыдится,— значить онъ не геній. Никто не обвинялъ Сальери, но онъ самъ обличилъ себя. Онъ сумѣлъ убить, но перешагнуть черезъ убійство не смогъ. Теорія не выдержала испытанія на смерть.

Да и какъ образовалась его теорія? Не придумана ли она на случай, чтобъ спрятать и одѣть унижительную страсть? Но она живетъ, постыдная, полузадушенная зависть, и въ страшную минуту вдругъ обнажитъ свое лицо. Вотъ то возмездіе, которое постигаетъ Сальери. Вдругъ разверзлась истина: онъ не геній, ибо совершилъ злодѣяніе. Нѣтъ, еще убійственнѣе, еще невыносимѣе: онъ все то, отъ чего съ такимъ негодованіемъ отвертывался раньше: презрѣнный завистникъ, змѣя людьми растоптанная, песокъ и пыль грызущая безсильно.

Съ какою гордыней посвященнаго онъ провозгласить когда-то:

Мнѣ не смѣшно, когда *фигляръ презрѣнный*
Пародіей безчеститъ Алигьери.

Пародія богоизбранника, Сальери никогда болѣе не замѣтается.

Но что же? Долженъ ли Сальери быть осужденнымъ безвозвратно? Развѣ нѣтъ въ немъ своей неопровержимой правды? Нѣтъ, сущность трагическаго столкновенья въ томъ, что каждый изъ противниковъ правъ, но правдою одностороннею. Моцартъ—тотъ весь, безъ остатка объять сверхъестественной силой, онъ безвольный медиумъ, бессознательный проводникъ невѣдомыхъ глаголовъ. Онъ лишенъ собственного волевого напряженія. Принимая свой геній, какъ небесный даръ, онъ не знаетъ по отношенію къ нему никакого долга. Онъ не умѣетъ воздѣлывать и совершенствовать свой геній, предоставляя ему произростать въ первобытной дикости. Моцартъ непривыченъ къ длительному труду и—признаемся же въ томъ—Сальери правъ, назвавъ его гулякой празднымъ.

Напротивъ, Сальери, бесплодный и отверженный, въ высшей степени обладаетъ чувствомъ себя, какъ чего-то произвольнаго и равнозначащаго высшей силѣ. Разрѣшеніе кон-

фликта не въ томъ, чтобы восторжествовалъ Моцартъ и гений былъ только послушнымъ выразителемъ безсознательныхъ внушеній и не въ томъ, чтобы возоблададо атеистическое и мятежное искусство Сальери. Бунтомъ жить нельзя, и въ области эстетической также. Выходъ изъ противорѣчія далъ Моцартъ въ своемъ заздравномъ тостѣ:

За искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

Моцартъ выпилъ свой тостъ одинъ, безъ Сальери, но Пушкинъ, самъ сынъ небесъ и труженикъ, провозгласившій, что безъ постоянного труда нѣтъ истинно великаго, въ самомъ себѣ показалъ совмѣщеніе двухъ началъ.

Итакъ разрѣшеніе трагедіи—въ верховномъ синтезѣ двухъ противоположающихся силъ. Равновѣсіемъ центробѣжнаго и центростремительнаго тяготѣнія поддерживается стройность въ движеніи небесныхъ свѣтилъ, та гармонія сферъ, какою полны эфирныя пространства. Но тѣмъ же равновѣсіемъ осуществляется идеалъ высшей человѣчности, съ какою бы стороны—эстетической, моральной, религіозной—мы ни взглянули. Путь совершеннаго человѣка идетъ по равновѣйствующей двухъ этихъ силъ: Моцартъ и Сальери, Кесарь и Галлилеянинъ, **Я** и Отецъ—Одно.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Болдинскія трагедіи это чудеснѣйшая героическая симфонія, въ которой «Каменный гость» занимаетъ мѣсто блестящаго скерцо *. Ея герой тотъ гуляка праздный, какимъ былъ Альберъ и Моцартъ.

Есть необходимый способъ понять эту пьесу: схватить ея темпъ. Именно въ темпѣ, въ его свободномъ, легкомъ бѣгѣ прежде всего постигается духъ трагедіи. Непринужденность и стремительность—есть ли что другое на свѣтѣ равное по совершенству? Несущаяся четверня побѣдителя-бога—таковъ стиль. Или вакхическая цѣпь нимфъ и сатировъ. Въ темпѣ стиля передается та свѣтлая, крылатая философія, которую внушаетъ пьеса. Увлекательно войти въ движеніе рѣчи, значить вжиться въ характеръ лицъ, освоиться съ ихъ легкойпѣнной, безгрѣшной жизнью. Они полны опьяненнаго темперамента и несомлжающей мелодіи и съ божественной откровенностью творятъ свою волю и волю Пославшаго ихъ. Но въ ихъ безпечности есть высшее предопредѣленіе, и безраздумно они повинуются ему. Эти испанскіе цвѣты знаютъ единственный долгъ—пышнѣй распускаться. Но это бремя для нихъ такъ легко.

* Если продолжить сравненіе, то въ «Скупомъ рыцарѣ» можно увидать энергичное allegro, въ которомъ дается первое развитіе темы; въ «Моцартъ и Сальери»—глубокомысленное и медлительное andante; наконецъ, въ «Ширѣ во время чумы»—мрачный и огненный финаль.

Предъ нами античное видѣніе. Голосъ моря и горные отзвуки, священный шелестъ рошъ,—голосъ крови и радостный ритмъ сердца. Съ беззвучнымъ смѣхомъ несутся нагіе хороводы по луннымъ полянамъ. И падаютъ въ содраганіяхъ страсти. Лѣсные танцы и юныя тѣла въ травѣ, подъ миртами. Козлоногій фавнъ наигрываетъ на тростникѣ и толпами сбѣгаются его слушать дриады. Есть безсмертное веселье, есть легкость и улыбка первыхъ дней творенья. И смѣхъ разносится по лѣсу. Слышите Пана? Но Панъ умеръ, и похоронный звонъ плача и гнѣва стоитъ надъ міромъ. На дальнемъ сѣверѣ, подъ сѣрымъ небомъ, въ печали и холодѣ протяжно звучатъ колокола о грѣхѣхъ и покаяніи.

Такова скрытая антитеза трагедіи. Испанія или Греція не все ли равно? Наперекоръ разноликой исторіи одна и та же вѣчная сущность подъ оболочкой несходства. Развѣ не воскресшій фавнъ—Донъ-Жуанъ, въ пурпуровомъ плащѣ и со шпагою? Онъ и Лаура подобно бывлымъ божествамъ полей и лѣса живутъ въ безыетомной влюбленности. И бѣдная нимфа когда-то пугливо ухидившая въ чащи, назвалась Донной-Анной.

Въ странѣ наиболѣе фанатичной и экзальтированной, оцѣпенѣвшей подъ гнетомъ церковныхъ и кастовыхъ предрассудковъ; въ странѣ, въ которой могуществомъ, чѣмъ гдѣ-либо, деспотизмъ авторитета, догматовъ и тысячи-одного запрещенья—словомъ въ средневѣковой Испаніи Пушкинъ поселилъ своего безпутнаго любимца, чтобы тѣмъ ярче отбѣнить всю правду солнечной, буйной и невинной природы. Въ противоположность тысячелѣтнимъ угрозамъ онъ взялся показать своего героя неотразимымъ въ его естественномъ имморализмѣ. Бурной и стихійной кровью одарилъ поэтъ Жуана, и такъ прекрасна въ немъ вѣчная свѣжесть и пламенность его чувствъ. Восторженный и никогда ненасытимый жизнью, онъ стремится все къ новымъ приключеніямъ, утѣхамъ и встрѣчамъ. Но есть въ немъ еще одно качество, которое придаетъ ему отпечатокъ исключительнаго благородства. Это качество есть то дивное довѣріе къ себѣ, какое свойственно только немногимъ, принадлежащимъ къ высшей породѣ. Въ Донъ-Жуанѣ нѣтъ ничего рефлектирующаго, робкаго, внутренне-развѣдающаго — онъ всегда откровененъ, простъ и смѣлъ. У него открытый взоръ и сладострастная

улыбка. Въ немъ есть врожденная вольность. Надъ нимъ невластны никакіе запреты. Въ Мадридѣ ему некого бояться: король его любить, а молву онъ страхнетъ, какъ болтовню Лепорелло. Но не то важно: Жуанъ обладаетъ внутренней неуязвимостью. Въ немъ живетъ та славная и безупречная совѣсть, которая ему позволяетъ съ чарующей дерзостью, не замѣчая даже, переноситься черезъ законы и убѣжденія всѣхъ. И что за сильныя и гибкія движенія, когда онъ подкрадется и вдругъ прыгнетъ на какую-нибудь вѣковую святыню. Всецѣло и единственно покоряясь собственной природѣ и со всей свободой выражая себя, онъ великолѣпный образецъ первообразной морали. Жизнь Донъ-Жуана безоблачна и не встрѣчаетъ значительныхъ сопротивленій, оттого естественный законъ, который онъ надъ собою признаетъ, лежитъ въ немъ скорѣе лишь неосознанной предпосылкой всѣхъ его поступковъ. Трагическій духъ вѣетъ отъ его лица первоначально лишь какъ предчувствіе чего-то угрожающаго и неотвратимаго. Но стоило ему столкнуться съ роковымъ препятствіемъ, и дотошъ скрытое сознаніе въ немъ вспыхнуло жгучимъ пламенемъ. Выражать себя даже до гибели вдругъ пробудилось вызывающимъ девизомъ.

«Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?»

Я? Нѣтъ! Я звалъ тебя и радъ, что вижу».

Однако мораль Донъ-Жуана нераздѣлимо связана съ нѣкоторымъ другимъ даромъ, который высоко выдѣляетъ его надъ человѣческой чернью. Донъ-Жуанъ безсовѣстный соблазнитель, распутный кавалеръ, прелюбодѣй-убійца—вотъ голосъ народа, приговоръ толпы. Съ тою же славой живетъ онъ въ памяти исторіи. Но Пушкинъ съ своей загадочной склонностью къ реабилитаціи всѣхъ пороковъ превратилъ его въ упоительно-прекраснаго героя. Въ Жуанѣ заключено верховное оправданіе его преступности. Здѣсь мы называемъ въ немъ центральную черту: его творчество. Донъ-Жуанъ—это гений жизни, царственный и ликующій. Правда, весь свой пылъ и восторгъ онъ отдалъ женщинѣ. Но почему? Искать ли онъ въ ней лишь чувственнаго обладанія? Но кто же оскорбитъ Жуана, въ немъ увидавъ вульгарнаго сластолюбца? Или, быть можетъ, онъ хищникъ, которому сладко тѣшить свою гордость и насыщать томленіе власти женскими сердцами?

Но не походить ли Жуанъ скорѣе самъ на жертву внезапной страсти, чѣмъ на расчетливаго завоевателя? Нѣтъ, Донъ-Жуанъ—поэтъ и страсть онъ принимаетъ, какъ вдохновенный мастеръ. «Но и любовь—мелодія», вскользя бросилъ кто-то изъ гостей Лауры. Въ случайномъ замѣчаніи вся разгадка Донъ-Жуана. Никто другой не воспринялъ такъ полно смыслъ немногословной истины. Гуляка праздный, въ дѣйствительности, онъ великій музыкантъ любви, онъ Моцартъ страсти, «импровизаторъ любовной пѣсни». Онъ ищетъ въ женщинѣ все новый возбудитель вдохновенія, вѣрнѣе, послушный инструментъ, который позволяетъ извлекать чудесные напѣвы. Влюбленность онъ ощущаетъ, какъ высочайшій приливъ лирическаго волненія. «Я пѣть готовъ»,—вотъ скопившіяся въ душѣ звуки, которые потекутъ волнами музыки.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Донна-Анна!
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять—
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы черные волосы на мраморъ блѣдный
Разсыплете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю—счастливъ, чей кладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами...

Художникъ страсти, Жуанъ гораздо болѣе влагаетъ себя въ предметъ любви, преображая смертное существо въ созданіе своей мечты. Извнѣ ему достаточно замѣтить лишь узенькую пятку.

Довольно съ васъ. У васъ воображеніе
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.

Оттого-то вѣчно жива въ Жуанѣ память о давно любимыхъ, и въ ненаглядной прелести вновь и вновь воскресаютъ загубленные тѣни. Въ Жуанѣ знойная вакхическая кровь, но любить онъ съ идеализмомъ платоническаго любовника.

Нерѣдко доступное наслажденіе готовъ онъ замѣнить его мыслительнымъ отображеніемъ и не нуждаться въ исполненіи внѣшнемъ. Желанное свиданье наступило, онъ у Анны. Но упоенный самымъ воздухомъ любви, онъ не спѣшитъ съ неизбежною развязкой. Нетерпѣливый вопросъ дамы: «что же вы молчите?»—и его замедленный отвѣтъ:

Наслаждаюсь молча,
Глубоко *мыслью* быть наединѣ
Съ прелестной Донной-Анной.

И временами его влеченія приобрѣтаютъ удивительную утонченность и серафическую безплотность.

Странную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно—мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... Такого взгляда
Ужъ нивогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У нея былъ тихъ и слабъ—какъ у больной...

Однако при всей изощренности, въ желаньяхъ Донъ-Жуана нѣтъ ничего впадающаго въ болѣзненность, ни признака упадочныхъ инстинктовъ. Онъ слишкомъ здоровъ и солнеченъ. На сѣверѣ, гдѣ солнце блѣдно, а небо точно дымъ, онъ забнетъ и тоскуетъ. Южанинъ, весь огонь и трепеть, онъ чурается безкровной томности тамошнихъ красавиць. Солнцепоклонникъ, онъ считаетъ влеченіе къ нимъ за грѣхъ предъ жизнью.

Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться,
Въ нихъ жизни нѣтъ, все буквы восковыя...

Фавнъ и поэтъ—и всего менѣе коварный соблазнитель. Безбожный развратитель, по людскому слуху, онъ только шаловливый мальчигъ. Онъ просто счастливъ, какъ ребенокъ, слишкомъ безоглядный въ своихъ порывахъ, чтобы лукаво и съ расчетомъ, въ бесцетный разъ домогаться сомнительнаго удовлетворенія. Гдѣ же ему съ терпѣніемъ раскидывать сѣти, вести съ упорствомъ, шагъ за шагомъ обольщенье,

когда его не хватало обдумать одной-двухъ фразъ. Слишкомъ скучно ему готовиться заранѣе къ свиданію,—безъ предуготовленія, что въ голову придетъ, то онъ и выскажетъ любимой. Вся обольстительность его рѣчей въ ихъ безыскусственномъ лиризмѣ, въ правдивой музыкѣ сердца. Онъ обаятеленъ и неотразимъ, потому что безъ памяти влюбленъ—сейчасъ, какъ раньше. Нѣтъ человѣка искреннѣй его. Прославленный обманщикъ—онъ никогда не лжетъ. Онъ весь въ нахлынувшемъ мгновеньи, безъ мысли о прошломъ и грядущемъ, съ безумной щедростью онъ расточаетъ себя каждой, не утаивъ корыстно ни капли. Любое изъ своихъ неисчислимыхъ увлеченій онъ переживаетъ съ нетронутостью первой любви и, сказочный чародѣй, каждому налету страсти онъ предается съ обновленной дѣвственностью. Увидѣлъ женщину и полюбилъ. Давно ли?

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значить слово счастье.

Онъ не обманываетъ. Въ его признаньи не избитый приемъ обольщенія. Своимъ словамъ онъ вѣритъ самъ и нѣтъ, поистинѣ, въ немъ памяти о томъ, когда-то бывшемъ Донъ-Жуанѣ съ его другой любовью.

...съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось;
Мнѣ кажется, я весь переродился.

Или то неправдоподобно? Но такъ не помнитъ Моцартъ, создавая реkvіемъ, о когда-то написанной сонатѣ. А что другое для Донъ-Жуана женщина, какъ не вдругъ родившееся музыкальное созданье, которое тѣснится въ сердцѣ? Мгновенна жизнь и разсыпается сама на рядъ безсвязныхъ, самоцвѣтныхъ миговъ. И только сосредоточивъ всего себя вотъ здѣсь, вотъ въ этомъ мигѣ творилъ Жуанъ свои мелодіи.

Теперь понятно, въ чемъ коренится имморализмъ Жуана. Всегда во власти мгновенныхъ побужденій, онъ сбрасываетъ мертвящія стѣсненія. Но для общества онъ конечно только развратный, безсовѣстный, безбожный, и Лепорелло только повторяетъ всеобщій приговоръ.

Всѣхъ бы ихъ
Развратниковъ въ одинъ мѣшокъ, да въ море.

Мимолетная прихоть, развратный позывъ—таково сложилось мнѣніе о страсти Донъ Жуана. Но есть въ его любви восторгъ, и ширь, и неизмѣримость міра. «Я радъ въ е сь м і р ѣ обнятъ—вотъ намекъ, который у другого поэта превратится въ патетическое возвѣщеніе космической влюбленности.

Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ;
Она меня родила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину;
Черезъ нее я понималъ ужь смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.

Измѣнчивый, неувимый, Жуанъ снова становится инымъ. Не повѣса и не задорный дуэлистъ теперь предъ нами, но романтической энтузіастъ, но пантеистъ любви.

Но странно: объятый діонисійской жизнерадостностью, Донъ-Жуанъ стоитъ въ какой-то непостижимой близости со смертью. Встрѣча съ нимъ смертельна одинаково и для мужчинъ и женщинъ: убиты донъ-Альваръ, донъ-Карлосъ и гибнетъ Инеза, Донна-Анна. Но болѣе того: есть въ Донъ-Жуанѣ внутреннее тяготѣнье къ смерти, какъ будто бы она отвѣчала тайнымъ потребностямъ его души. Восторженный эстетъ, онъ понимаетъ, что на фонѣ гробового мрака ярче краски жизни. Поэтому, чтобъ превратить любовное приключеніе въ геройство, онъ сопровождаетъ его рискомъ. Чѣмъ угрожаемѣе нагнулась погибель, тѣмъ обворожительнѣе краснорѣчье, тѣмъ пламеннѣе его объятія. Влюбленный въ жизнь, какъ божеству поклоняясь страсти, онъ къ радости примѣшиваетъ уничтоженъе, чтобы божественнѣе насладиться и жизнью и любовью. Здѣсь Пушкинъ надѣлитъ Жуана опытомъ, который извѣдалъ самъ.

*Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полного веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзанья недостойнъ.*

Чтобъ быть достойнѣй милыхъ женъ, вѣчно бродитъ Донъ-Жуанъ на краю бездны, въ опасности смерти восприни-

мая импульсы жизни. Пусть только ярче вспыхнетъ мгновенье,
а тамъ оплатой пусть будетъ смерть.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

И то было дерзкою игрою, когда онъ подставляетъ грудь кинжалу Донны-Анны. Испанка, метительная и оскорбленная, была нешуточной угрозой, и съ нею Донъ-Жуанъ ставилъ сильный банкъ. Но оттого-то послѣ была не въ силахъ отказать вдова убійцѣ мужа, и жарокъ былъ ихъ мирный поцѣлуй. Тамъ, гдѣ любовь Жуана, присутствуетъ и смерть. На кладбищѣ впервые онъ видитъ Донну-Анну, при гробѣ онъ падаетъ къ ея ногамъ съ признаньемъ, при мертвомъ цѣлуется съ Лаурой. Но вотъ ему сдалась его печальная сензора, и съ тою же неизъяснимой притягательностью къ смерти онъ зоветъ изваяннаго командора.

Лаура родная сестра по духу Донъ-Жуана. Они похожи съ нимъ во всемъ. Какъ ея вѣтреный любовникъ, она волшебница искусства. Она поетъ имъ сочиненные романсы, и ея звуки чаруютъ сердце въемъ. Но она не просто исполнительница чужого, но вдохновенная сама.

...глаза твои блестятъ,
И щеки разгорѣлись, не проходятъ
Въ тебѣ восторгъ...

Но и въ ней музыка рождается любовью. Вѣщимъ предчувствіемъ она уже знаетъ, что близокъ ея вѣрный другъ, и она играетъ, какъ никогда съ такимъ же совершенствомъ не играла.

...мигъ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово;
Я вольно предавалась вдохновенью;
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

А сердце у Лауры такъ же нестѣсенно, измѣнчиво, но чисто. Пусть для нея легка невѣрность, но въ предѣлахъ новаго увлеченія она захвачена вся до послѣдняго дыханья. Ей только что понравился за бѣшенство Донъ-Карлосъ, и вся она принадлежитъ ему и забыла всѣхъ прежнихъ. А Донъ-Жуанъ? Любитъ ли она его теперь?

Въ сію минуту?
Нѣтъ не люблю. *Мнѣ двухъ любить нельзя.*
Теперь люблю тебя.

Лаура встрѣтилась съ Донъ-Карлосомъ, какъ Донъ-Жуанъ столкнулся съ его братомъ—каменнымъ командоромъ. Кто эти братья? Контрастъ безпечной пары. Съ безупречною вѣрностью глаза Пушкинъ ихъ едва обрисовалъ въ чертахъ немногихъ, бѣглыхъ, почти неуловимыхъ. Но за недосказанностью мы чувствуемъ ихъ во весь ростъ. Оба истые испанцы. Каждый гордый, смѣлый, суровый духомъ и угрюмый. Въ нихъ сама Испанія: исчахшій дворянскій духъ, воинственность, монастырскіе своды, бичеванье и черепа для созерцанья бренности людской. Донъ-Карлосъ говоритъ съ красивой, ему доступной женщиной, и въ его словахъ проклятье черстваго монаха живой улыбкѣ и нераскаянному наслажденью. Онъ предостерегаетъ, онъ грозитъ, зловѣщій воронъ, когда бы могъ любить и быть любимымъ.

Ты молода... и будешь молода
Еще лѣтъ пять или шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпятся будутъ,
Тебя ласкать, лелѣить и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда—что скажешь ты?

Лаура смущена, напуганный ребенокъ, она, быть можетъ, готова плакать.

Что за разговоръ?
Иль у тебя *всегда такія мысли?*

съ упрекомъ едва промолвила она, но тотчасъ же оправилась. Съ безошибочностью инстинкта отвѣчаетъ она неотразимымъ аргументомъ. Дочь природы, у ней, Великой Матери-Заступницы, она находитъ свою защиту.

Приди—открой балконъ. Какъ небо тихо;
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ

И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной—
И сторожа кричать протяжно: ясно.
А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ, и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло?

Донъ-Карлосъ ошибся, плохо понимая, къ кому онъ обращаетъ увѣщанье. Лаура, какъ Земфира, даже не личность, какъ понимаемъ личности мы: съ собственнымъ починомъ и съ отвѣтственностью. Онѣ—сама стихія, незаконная, непостоянная и текучая, какъ море. Кто скажетъ морю, чтобы не ходило волнами, или лунѣ—вонъ тамъ остановись, иль сердцу дѣвы, чтобы не любило, а думало о сѣдинѣ? Въ нихъ есть невинность и безмысліе послушницы природы, и невинно онѣ при мертвомъ или надъ могилой проводятъ брачную ночь. Такъ на могилѣ растутъ цвѣты, такъ у гробового входа играетъ младая жизнь.

Распутникъ и безбожникъ Донъ-Жуанъ, а Лаура—блудница. Такимъ ихъ видитъ монастырскій взглядъ. Нѣтъ, что-то бѣсовское, дьявольское онъ видитъ въ ихъ кроткомъ языческомъ весельи сердца.

— Насилу-то помогъ лукавый, —говоритъ Лепорелло.

— Милый демонъ, —говоритъ Донъ-Карлосъ.

— Вы сущій демонъ, —повторяетъ Донна-Анна.

Вотъ онъ:

Женообразный, сладострастный.

Сомнительный и лживый идеалъ,

Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.

И этотъ демонъ, оборотительный Донъ-Жуанъ съ пожатіемъ каменной десницы проваливается.

«Друзья мои, вамъ жаль поэта»? Кто знаетъ, не пощадилъ ли бы его Пушкинъ, если бы онъ писалъ трагедію въ другую эпоху жизни? Но въ ту пору его совѣсть требовала нравственнаго возмездія. Вѣдь Донъ-Жуанъ это самъ Пушкинъ, какимъ себя онъ изображалъ: безпечный, влюбчивый, влюблявшійся во всѣхъ красивыхъ женщинъ, какихъ онъ

зналъ, который составлялъ свой Донъ-Жуанскій списокъ и признавался кстати, что Natalie его сто-тринадцатая любовь, которой, уже женатый, быть вынужденъ увѣщевать себя:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненьямъ любви безумно предаваться!

Но то были уже протекшіе годы. Теперь же съ отвращеніемъ читаетъ поэтъ свое прошлое. Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье ему тяжело теперь, какъ смутное похмелье. Не дорожа мятежнымъ наслажденіемъ вакханки молодой, поэтъ тоскуетъ по «торжественной красѣ», въ которой «все гармонія, все диво, все выше міра и страстей». Смущенный поэтъ благоговѣетъ богомольно передъ «святѣйшей красоты». Однако было не легко утомить бунтующую кровь.

Напрасно я бѣгу въ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ...

вотъ вопль отчаянья, который прорывался среди одолеваяющихъ страстей. Въ душѣ поэта шла борьба съ вакханкой за Мадонну. Съ сіонской высоты Жуанъ казался живымъ идеаломъ. Въ корнѣ измѣнилось прежніе воззрѣніе на любовь. Не наслажденіе дикой воли, не языческое упоенье каждымъ мигомъ Пушкинъ ставитъ идеаломъ, но вѣрныя сердца, но стыдливыя ласки христіанскаго брака.

«Любовь въ бракѣ это верхъ человѣческаго достоинства въ любви».

«Зависимость жизни семейной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ».

Таковы новые афоризмы, которые руководятъ теперь поведеніемъ Пушкина. Онъ уже сдѣлалъ предложеніе и настраивался въ ладъ семьянина. Наблюдавшая его въ то время современница оставила намъ знаменательный отзывъ.

«Онъ былъ серьезенъ, важенъ, какъ слѣдовало человѣку съ душой, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо».

Послѣ годовъ странствованій поэтъ wpłyваетъ въ пристань. Желанной цѣлью становится хозяйка и покой. вмѣсто эротическихъ побѣдъ его влечетъ смиренный уголъ, вмѣсто страстныхъ волненій—домашняя тишина. Раскаившійся Донъ-Жуанъ, Пушкинъ составляетъ новую программу жизни.

«Юность не имѣетъ нужды въ at home, зрѣлый возрастъ ужасается своего уединенія. Блаженъ, кто находитъ подругу: тогда удались онъ до м о й. О, скоро ли перенесу мои пенаты въ деревню? Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, любовь, etc. Религія, смерть» .

Становясь мужемъ и хранителемъ очага, Пушкинъ видитъ въ Донъ-Жуанѣ разорителя гнѣзда и возмутителя святыхни.

А тотъ зарвавшійся счастливецъ не знаетъ удержу въ своемъ ликующемъ размахѣ. Задорный, легкомысленный, онъ теряетъ даже благородство къ убитому противнику. Съ кощунственной насмѣшкой надъ присмирѣвшимъ мертвымъ онъ кидаетъ ему въ лицо свое возмутительное приглашеніе.

Я, командоръ, прошу тебя прійти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать на стражѣ въ дверяхъ.

Старый командоръ на зовъ явился. Шестью годами позже Пушкинъ самъ дастъ подобный же отвѣтъ другому оскорбителю.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

На примѣрѣ Донъ-Жуана Пушкинъ показалъ, какъ встрѣчаетъ смерть его герой.

«Я звалъ тебя и радъ, что вижу».

Отношеніе къ смерти было поставлено темой послѣдней болдинской трагедіи.

Пушкинъ съ особеннымъ напряженіемъ и постоянствомъ помышлялъ всегда о неминуемомъ концѣ. День каждый, каждую минуту привыкъ онъ провожать неотступной думой. Рѣдки и немногословны его признанія, разбросанныя въ стихахъ и письмахъ, но все-таки есть возможность опредѣленно установить его подходъ къ вопросу. Два чувства внушали Пушкину силы свѣтло и бодро идти навстрѣчу смерти. Во-первыхъ, мужественная жизнестойкость его организма и духа. Во-вторыхъ, самоотреченіе и міровая благожелательность ко всему остающемуся жить. Вотъ примѣры обоихъ чувствъ.

Глубоко опечаленный смертью Дельвига, Пушкинъ пишетъ Плетневу. «Что скажу тебѣ, мой милый? Ужасное извѣстіе я получилъ въ воскресеніе... Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная... Никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считаю по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все».

Но послѣ цемѣщаго вступленія заканчиваетъ Пушкинъ уже другими дивными строками.

«Вчера... говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и стра-

шептъ. Нечего дѣлать! согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы» .

А вотъ еще письмо Плетневу же.

«Письмо твое... крѣпко меня печалило. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ, погоди—умретъ и Жуковский, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой, мы будемъ старые хрычи, жены наши—старыя хрычевки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята, мальчишки станутъ повѣсничать, а дѣвчонки—сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя... Были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы» .

Это письмо, само подобное лирическому стихотворенію, примыкаетъ къ другимъ незабвеннымъ строкамъ:

«Летать за днями дни и каждый день уносить
Частичку бытія, и мы съ тобой вдвоемъ
Предполагаемъ жить... и глядь, все прахъ: умремъ» .

Здравствуй племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ...

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть...

Нетрудно увидать, что въ такомъ пріятіи смерти много язычески-земного. Мысль Пушкина намѣренно сосредоточена по эту сторону бытія. Загробное остается виѣ предѣловъ вѣры. На немъ не строится никакихъ надеждъ, и утѣшенія создаются доступныя ясному уму и большому сердцу. Личное исчезновеніе неизбѣжно: надо открыто взглянуть на фактъ и согласиться. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего. Надо быть сильнымъ духомъ и обойтись безъ жалобъ. «Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить». Но въ нашей власти есть еще остатокъ дней, такъ постараемся быть живы. А будемъ живы, будемъ и веселы. Жизнь все еще богата, и въ ея богатствѣ надо найти умиротворяющее чувство для себя. Здравствуй, племя младое,

познакомое!.. Все такъ ясно, просто на первый взглядъ; на самомъ дѣлѣ, такъ непостижимо по глубинѣ стихійной жизненности.

Но на почвѣ такихъ несокрушимыхъ инстинктовъ расцвѣтало еще одно невыразимое ощущеніе: жажда грозной опасности, чувство особенной притягательности смерти. Пушкинъ не только стойко выдерживалъ неизбежность смерти,—онъ самъ бросался ей навстрѣчу, тѣмъ самымъ удовлетворяя таинственнымъ влеченіямъ души. Онъ былъ еще юношей, когда повѣдалъ въ одномъ изъ стихотвореній: «и смерти мысль мила душѣ моей». «Ожиданье грозной смерти», «жажда гибели», имѣютъ надъ нимъ неизъяснимую силу. Онъ рвется на войну, въ «боевой ужасъ», «въ роковой огонь сраженій». Въ минуты хандры и душевнаго омертвѣнія ему кажется, одна лишь битва можетъ оживить его.

И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей—

—вотъ восклицаніе, вырвавшееся въ одинъ изъ приступовъ такой тягостной лѣни.

«Пушкинъ—пишетъ Липранди,—всегда восхищался подвигомъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, на карту. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ рассказы о военныхъ эпизодахъ; лицо его красѣло и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотверженія, глаза его блистали, и вдругъ часто онъ задумывался».*

Въ Болдинѣ, когда идеалы молодости были подвергнуты послѣдней переоцѣнкѣ, былъ снова выдвинутъ вопросъ о смерти. Припомнимъ обстоятельства, при которыхъ создавалась трагедія. Въ окрестностяхъ разразилась эпидемія холеры—«очень миленькой персоны», какъ называетъ ее Пушкинъ.

«Около меня Колера Морбусъ,—пишетъ онъ Плетневу.—Знаешь ли что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всеѣхъ насъ перекусаеть, того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію».

Въ виду надвигающейся опасности обострялась привычная мысль, и сердце билось свѣжѣе, какъ передъ сильною

*) Сравн.: «Посланіе къ Юдину», «Посланіе къ В. Л. Пушкину», «Орлову», «Мнѣ бой знакомъ».

игроку. Подъ впечатлѣніемъ нависшей заразы Пушкинъ пишетъ «Пиръ во время чумы». Это довольно точный переводъ одной сцены трагедіи Вильсона, но Пушкинъ вставилъ два собственныхъ отрывка, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ: пѣснь Мери и гимнъ Предсѣдателя. На нихъ мы должны сосредоточить вниманіе. Остальное—фонъ, на которомъ выступаютъ двѣ важнѣйшихъ идеи.

Для мирной страны наступилъ мрачный годъ. Царица грозная, чума пришла на человѣческую жатву. Черная телѣга, наполненная мертвецами, имѣетъ право всюду разѣзжать, и бѣлоглазый негръ ею управляетъ. Въ опустѣлыя пожарища обратились селенія, и тишина, и ужасъ мертвой пустоты воцарились всюду. Не пустѣетъ, не молчитъ одно кладбище. Тамъ поминутно мертвыхъ несутъ, поминутно мѣста надо,—какъ испуганное стадо, жмутся межъ собою могилы, и общія ямы поглащаютъ мертвыя тѣла. Тамъ спѣшныя обряды плачевныхъ похоронъ, и блѣдныя лица, и стenanія, и боязливья моленья еще оставшихся въ живыхъ.

На безлюдной улицѣ нѣсколько мужчинъ и женщинъ нашли пріютъ пировъ ничѣмъ не возмутимый, накрыли столъ и общимъ хохотомъ, разгуломъ, кромѣшнымъ ликованьемъ слятся разбѣять мракъ, который разостлала зараза-гостья. «Но страхъ живетъ въ душѣ страстными томимый». Вопреки веселью и наперекоръ смѣху онъ живетъ, могущественный и леденящій. Онъ пробивается сквозь буйство и восклицанья унылой и протяжной пѣснью, встаетъ видѣньемъ, какъ черный демонъ, чтобъ звать въ свою телѣжку. И отовсюду для подавленной души слышенъ шопотъ смерти, и мертвые лепечутъ ужасную, невѣдомую рѣчь, и рѣетъ трепетанье вѣчной ночи. «Что дѣлать намъ и чѣмъ помочь?»—вотъ вопросы, которые встаютъ передъ дрожащей тварью, передъ измученными страхомъ бѣдными сердцами. Въ различныхъ видоизмѣненіяхъ даются способы сопротивленія надвинувшейся казни. Простѣйшее дѣйствіе—спрятать голову, не видѣть факта: вѣдь много насъ еще живыхъ и намъ причины нѣтъ печалиться. Голосъ легкомыслія, предложеніе молодого чело-вѣка: страхъ заглушить веселымъ звономъ рюмокъ и пить за мертваго, какъ будто бъ былъ онъ живъ.

Новую попытку пускаетъ въ ходъ одна изъ женщинъ. Насилованной насмѣшкой и злорѣчьемъ разогнать навѣянную грусть, искусственно вспышкой ненависти истребить впол-

зающую смертную тоску. Но напрасно хочетъ показать мужское сердце женщина. Провѣщаетъ обычная черная телѣга— и мигомъ напускная злоба погасла въ обморокѣхъ.

Такъ чувствуютъ и поступаютъ статисты челоѣчества, одни изъ многихъ, безсильные подняться на высоту момента и образовать въ себѣ достойный отпоръ на устрашеніе смерти. Ихъ значеніе въ пьесѣ—случайностью импульсовъ, растерянностью, душевной слѣпотой и лѣнью полумыслей быть образцомъ толпы и отгѣнять собою идейныя рѣшенія.

Ихъ два такихъ рѣшенія: двѣ пѣсни—Мери и Вальсингама. Въ нихъ Пушкинъ далъ два противоположныхъ міросозерцанія, двѣ законченныхъ философіи смерти. Поетъ Мери, и въ евангельской простотѣ ея пѣсни все тихое воодушевленіе Музы-христіанки. Въ первой половинѣ пѣсни изумительное, построенное на контрастахъ описаніе цвѣтущей, мирной жизни и ужаса и запустѣнья чумной кары. Вторая часть заново написана самимъ Пушкинымъ. Это надо помнить. Здѣсь именно дается первое идейное отношеніе къ смерти—отношеніе христіанства, побѣда надъ смертью вѣры и любви. Совсе нѣтъ страха. Всѣ помыслы передъ кончиной устремлены къ возлюбленному. Есть только тѣни грусти отъ разлуки. Чувство послѣднихъ минутъ—одна забота и тревога о немъ, оставленномъ на землѣ. Въ концѣ—предсмертное обѣщаніе вѣчной связи. Стыдливой вѣрой, самозабвеніемъ и безграничной нѣжностью вырываетъ дѣвушка жало смерти.

Мери поетъ по просьбѣ Вальсингена. Уныло и протяжно,— такъ онъ просилъ. Откуда это сладострастіе печали, потребность бередить муку? Она есть—эта мука, незримая, глухая, но неизбывная. И злая нудитъ тоска дать боли звукъ, дикимъ вдохновеніемъ еще болѣе растравить сердце.

... ничто
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

Но тотчасъ—новая измѣнчивость желаній: разбередивъ печаль, потомъ безумнѣе къ веселью обратиться. Мучительное шатанье, капризы разстроенной души, жажда острыхъ противорѣчій—симптомы невыносимаго душевнаго напряженія. Что это? Среди стенаній и черной гибели мятущаяся личность хочетъ заслониться оргіей, развратомъ пира отстоять себя. Но слѣдующее сравненіе даетъ иное объясненіе

смятенью Вальсингама. Онъ хочетъ безумиѣе къ веселью обратиться,

какъ тотъ, кто отъ земли
Быть отлученъ какимъ-нибудь видѣнемъ.

Итакъ пѣсня Мери должна имѣть тайное сродство съ какими-то видѣніями. Мимолетно намъ внушается догадка, что мука Вальсингама не въ страхѣ смерти, но въ загробныхъ призракахъ, но въ терзаньяхъ жгучей памяти. Въ дальнѣйшемъ мы узнаемъ его судьбу.

Кончина матери, когда рыдая, на колѣняхъ обнималъ онъ ея трупъ и съ воплемъ бился надъ могилой; смерть жены, молчаніе, и мертвая пустыня дома, и страшное воспоминанье. Нравственная катастрофа, духовный переворотъ и путь отчаянья. Отпаденіе отъ Бога совершилось... Священникъ напрасно пытается возвратить отверженца: онъ долженъ до конца пройти по избранной дорогѣ. Сначала только вымученное распутство опустошенной души, исканье пьянаго забвенья, новость бѣшеныхъ веселій. Тутъ Вальсингамъ на равномъ уровнѣ съ прочими товарищами. Но дальше онъ вдругъ вырастаетъ. Онъ болѣе не буйный собесѣдникъ развратниковъ—предъ нами снова прежній образъ бунтовщика и Богоборца. Изъ прошлаго Вальсингама намъ понятно, чѣмъ подготовился въ немъ бунтъ. Но отъ пережитаго горя въ немъ родилось не малодушное неистовство, не вопли истерическаго богохульства. Нѣтъ, собственную судьбу онъ вознесъ на высоту всеобщаго протеста, въ безысходности своихъ страданий обрѣлъ героическую идею. Гимнъ предѣдателя центральный пунктъ, къ которому стремится все дѣйствіе. Въ немъ высшее усиліе побѣдить угрозу смерти. Съ серьезностью, недоступной ни Луизѣ, ни молодому человѣку, съ энергіей, непосильной мягкосердечной Мери, провозглашаетъ онъ свой отвѣтъ на приближенье гибели. Не «буйную вакхическую пѣсню» онъ будетъ пѣть: такой не знаетъ опъ. Но онъ споетъ гимнъ возстанія противъ законовъ рока гордаго, непобѣдимаго духа. Въ пѣснѣ Вальсингама призывный кличъ къ братьямъ по человѣчеству:

«Мужайтесь, боритесь, о храбрые други!»

Смерть извѣчный врагъ личности, и, сталкивая съ нею гордаго человѣка, Пушкинъ дѣлаетъ послѣднее примѣненіе принциповъ индивидуализма. Вопросъ поставленъ такъ: чѣмъ

можетъ противостоять гордый человѣкъ его истребляющей силѣ? Все тѣмъ же, въ чемъ его величіе: волей, но доведенной до высочайшей точки напряженія. Все смертоносное рождаетъ въ могучемъ характерѣ равное противоудѣйствіе. Предъ тѣмъ, какъ сокрушить, оно до крайности напрягаетъ ощущение могущества, сообщаетъ величайшій подъемъ всеѣмъ силамъ. Въ чумѣ привѣтствуетъ Вальсингамъ благороднаго врага, который даетъ возможность познать въ себѣ дотолѣ неразгаданную мощь. Надъ черной пропастью, средь бурной тьмы жаръ-цвѣтомъ вспыхиваетъ чувство жизни. Въ грозѣ и уроганѣ нервное возбужденіе достигаетъ той высоты, когда становится тѣсной брэнная оболочка, и въ несказанномъ упоеніи человѣкъ прорывается къ чувству безсмертія. Неизъяснимыя наслажденія экстаза, преображеніе души! Такое мгновеніе стоитъ купить цѣною жизни. Эту истину познала Клеопатра, сладострастнымъ соединеніемъ любви и смерти создавая изъ смертныхъ земныхъ боговъ. Въ гимнѣ Вальсингама не призывъ къ разнузданію всеѣхъ низменныхъ инстинктовъ, но своеобразное, пусть искаженное, исканье вѣчности. Демоническимъ усиленіемъ безсмертіе добыто. Демоническимъ,—потому что здѣсь торжество человѣческой гордыни, побѣда Богоотступника. Не на небесахъ, и не отъ Бога онъ ждетъ безсмертія, но завоевываетъ его самъ, здѣсь, на землѣ. Священникъ правъ: безбожный пиръ, безбожные безумцы.

Но тутъ обнаруживается роковой предѣлъ атеистической воли. Безсмертіе, которое сулитъ Вальсингамъ, лишь вынужденная попытка самообмана. Экстатическое мгновеніе есть только субъективное состояніе, а не реальное преодоленіе смерти. Судорожный восторгъ не разрушаетъ индивидуалистическаго одиночества. Но истинная вѣчная жизнь есть соединеніе всеѣхъ во всемъ, а не огненный полетъ канувшаго метеора. Священникъ подаетъ великую надежду «встрѣтить въ небесахъ утраченныхъ возлюбленныхъ души». Мятельный Вальсингамъ отвергъ путь надежды. Но, возмутившись противъ Бога, и рѣшившись своею волей овладѣть безсмертіемъ, онъ навѣкъ разединенъ съ возлюбленной. Его Джени останется одна на небесахъ въ своей напрасной памяти о любимомъ, а безъ нея—на что безсмертіе Эдмунду? Но болѣе того: лишь только священникъ назвалъ ея умолкнувшее имя, какъ сразу же раскрылось Вальсингаму все беззаконіе его мечты, и самъ же онъ отрекся отъ своего грѣховнаго порыва.

О, если бъ отъ очей ся безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлице! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ,
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не достигнетъ уже...

Любовь разоблачила лживый пафосъ. Вальсингамъ еще упорствуетъ въ своей отверженности, но демоническій экстазъ его болѣе не соблазняетъ. Пиръ продолжается, но Предсѣдатель остается погруженный въ глубокую задумчивость.